

очарование

КЭТРИН КУЛТЕР

Наследство
Лайтингеццов

Наследство

Кэтрин Коултер

Наследство Найтингейлов

«АСТ»

1994

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Коултер К.

Наследство Найтингейлов / К. Коултер — «АСТ»,
1994 — (Наследство)

Норт Найтингейл, виконт Чилтон, с детства знал, что над мужчинами рода Найтингейлов тяготеет проклятие. Наследие Найтингейлов всегда несло с собой боль измены и горечь предательства. Любовь женщины неизменно наносит раны – этому учили его отец и дед. Но смелая, красивая, искренняя Кэролайн заставила его поверить, что любовь существует, что благородство не пустой звук...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Коултер К., 1994

© АСТ, 1994

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	45
Глава 8	51
Глава 9	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Кэтрин Коултер

Наследство Найтингейлов

Catherine Coulter
THE NIGHTINGALE LEGACY

© Catherine Coulter, 1994
© Перевод. Т.А. Перцева, 2001
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Глава 1

Сент-Эгнес-Хед, Корнуолл

Август 1814 года

Фредерик Норт Найтингейл, склонив голову, молча смотрел на скорчившуюся у его ног женщину. Она сжалась в комочек так, что колени были почти подтянуты к груди, словно, падая с высокой скалы, она еще пыталась как-то защититься. Модное платье из светло-голубого муслина разорвано под мышками, корсаж и юбка в грязных пятнах и пыли. Голубая туфелька свисала с правой ноги на скрученной и порванной ленте.

Норт опустил на колени около несчастной и осторожно отвел от ее головы уже застывшие руки. Это оказалось нелегко – женщина была мертва уже не меньше восемнадцати часов, поскольку сведенные мускулы вновь начали расслабляться. Норт невольно прижал пальцы к грязной шее в том месте, где болтался оторванный воротник. Возможно, он надеялся на чудо, но, увы, сердце не билось – лишь остывшая плоть леденила руку. Светло-голубые глаза невидяще смотрели на него, не спокойные, готовые принять неизбежное, но вылезшие из орбит от ужаса, что гибель совсем рядом и этот момент – последний в ее жизни.

И хотя Норт наблюдал сотни смертей: видел, как падают люди, сраженные в бою, как инфекция косит десятки раненых в походных госпиталях, – именно эта особенно задела его. Женщина не была солдатом, не носила ни шпаги, ни мушкета. Слабое, хрупкое, беспомощное создание, по крайней мере с точки зрения мужчины. Норт закрыл ей глаза, нажал на челюсть, чтобы губы, открытые в последнем страшном вопле, сомкнулись. Но все было напрасно. Ужас на лице бедняжки застынет навсегда, и родные поймут, что ей пришлось вынести в последние минуты, хотя уже никогда не смогут услышать голос жертвы. Страшная гримаса останется до тех пор, пока труп не превратится в груды высохших белых костей.

Норт поднялся и отступил на шаг, боясь сорваться с узкого карниза в Ирландское море, расстилающееся в сорока футах под обрывом. В воздухе стоял густой запах соленой воды; шум волн, разбивающихся о неподвластное времени нагромождение черных скал, своим странным ритмом успокаивал нервы. Так было всегда, еще когда Норт, маленький измученный мальчик, думал лишь о бегстве из замка.

Погибшая женщина была хорошо известна Норту, но потребовалось несколько мгновений, чтобы узнать Элинор Пенроуз, вдову покойного сквайра Джозайи Пенроуза из Скрилджи-Холл, поместья, расположенного всего в трех милях отсюда. Норт знал ее с тех пор, как Элинор приехала откуда-то из Дорсета и вышла замуж за сквайра. Тогда ему самому было лет десять-одиннадцать. Он помнил Элинор веселой, всегда смеющейся; мягкие каштановые волосы, обрамлявшие множеством локонов лицо, плясали и покачивались, когда она шутила или тыкала степенного сквайра большим пальцем под ребро так, что его поджатые губы невольно растягивались в вымученной улыбке.

И вот теперь она мертва, съежилась, как ребенок, на узком карнизе. Норт не переставал повторять себе, что она, должно быть, поскользнулась, и это лишь несчастный случай, но в глубине души знал, что обманывает себя. Элинор Пенроуз знала эти окрестности так же хорошо, как он сам. Она ни за что не стала бы бродить одна так далеко от дома, подвергая себя опасности упасть. Как же все это случилось?

Норт медленно поднялся на утес, возвышавшийся на тридцать футов над карнизом: пальцы сами собой отыскивали знакомые трещины и впадины, ноги соскользнули лишь дважды. Подтянувшись, он перевалился через голую иззубренную вершину Сент-Эгнес-Хед, поднялся и, отряхивая бриджи, посмотрел вниз. С этой высоты мертвая женщина казалась ярким голубым лоскутком, который прежде всего и привлек его внимание.

Неожиданно камень под носком сапога качнулся, ком земли оторвался и полетел вниз. Норт неуклюже взмахнул руками и отпрянул. Сердце бешено колотилось. Вероятно, именно это и случилось с Элинор Пенроуз: она подошла слишком близко к краю и по чистой случайности рухнула не в бушующее море, а зацепилась за узкий карниз. Но это не спасло ей жизнь.

Норт на коленях обследовал почву. Нет, кажется, ничего не сдвинуто, кроме булыжника, оторвавшегося от скалы под его весом. Никаких следов. Норт поднялся и, отряхнув руки, направился к гнедому мерину, Тритопу¹, огромному коню высотой в семнадцать ладоней и поэтому заработавшему такую кличку. Тритоп неподвижно и покорно ожидал приближения хозяина и даже не взглянул на стайку чибисов, разрезавших воздух почти над его головой. На холку села стрекоза, и конь лениво взмахнул хвостом.

Теперь придется поехать к судье, сообщить о случившемся. Норт грустно улыбнулся, сообразив, что он сам и есть судья. Здесь не армия: ни сержантов, выполняющих любой его приказ, ни устава, ни правил.

– Ну что ж, – сказал он вслух, легко вскакивая на широкую спину коня, – отправимся к доктору Триту. Он должен взглянуть на Элинор, прежде чем мы снимем ее оттуда. Думаешь, она упала?

Тритоп не фыркнул, но тряхнул огромной головой, словно не соглашаясь. Норт, подняв глаза и заслонившись ладонью от ослепительного солнца, в последний раз осмотрел обрыв и медленно произнес:

– Я тоже так не считаю. По-моему, какой-то сукин сын прикончил Элинор Пенроуз.

– Лорд Чилтон! Господи, мальчик мой, когда же вы вернулись? Больше года прошло с тех пор, как вы в последний раз были дома. Едва успели к похоронам отца и тут же вновь отправились на эту нескончаемую войну, которая, слава Богу, наконец-то завершилась! Теперь все наши замечательные английские парни вернутся домой. Входите, входите! Вспомнили старого доктора?

Доктор Трит, высокий и прямой, словно молодой побег под жарким солнцем, стройный, как восемнадцатилетний мальчик, человек, умнее которого Норт не встречал, энергично пожал его руку и провел через маленькую приемную, сверкавшую металлическими инструментами и уставленную шкафами, полными пузырьков с аккуратно наклеенными этикетками. На выскобленном добела столе, как раз под шкафчиками, красовались ступка и пестик. Они прошли в гостиную – уютную теплую комнату с камином в дальнем конце и кое-как расставленной мебелью. Здесь повсюду царил беспорядок от раскиданных газет и журналов, повсюду стояли пустые чашки с недопитым чаем, щедро сдобренным, как знал Норт, контрабандным французским коньяком.

Норт улыбнулся, вспомнив, что в детстве доктор Трит казался ему гигантом. Он и вправду был очень высок, но не теперь, когда Норт вырос. Правда, сам Норт был из поколения очень высоких мужчин, способных своим ростом внушить страх и почтение любому противнику.

– Давно мы не виделись, сэр. Но теперь я снова дома и больше никуда не уеду.

– Садитесь, Норт. Чай? Коньяк? – Улыбка доктора Трита была теплой и дружелюбной.

– Нет, сэр. Собственно говоря, я приехал в качестве местного судьи объявить вам, что только сейчас нашел Элинор Пенроуз на карнизе под Сент-Эгнес-Хед. Она мертва уже почти сутки.

Доктор Бенджамен Трит окаменел подобно жене Лота², бледнея все больше, пока лицо не побелело совсем, как его скромный галстук. Он внезапно состарился на глазах, и всего за одно

¹ Верхушка дерева (англ.). – Здесь и далее примеч. пер.

² Жену Лота Бог заслушание превратил в соляной столп.

мгновение жизненные силы, казалось, покинули его, но доктор постарался взять себя в руки и покачал головой:

– Нет, этого не может быть. Вы забыли, как выглядит Элинор. Только не Элинор! Это какая-то другая, похожая на нее женщина. Мне ее очень жаль, но она не Элинор, просто не может ею быть. Скажите, что вы ошиблись, Норт.

– Простите, сэр, но это Элинор Пенроуз.

Но доктор Трит по-прежнему качал головой: глаза потемнели, резко выделяясь на белом лице.

– Мертва, вы сказали? Нет, Норт, вы ошиблись. Я ужинал с ней позавчера. Она была в прекрасном настроении, смеялась, как всегда... да вы, должно быть, помните, какая она. Мы ели устриц в Скриледжи-Холл, и пламя свечей было такое золотистое и неяркое, и она хохотала над моими рассказами о службе на флоте, особенно над тем, как мы стащили мешок лимонов с датского корабля в Карибском море, потому что у матросов началась цинга. Нет, нет, Норт, вы не правы, конечно, не правы. Я не могу позволить Элинор умереть!

«Проклятие!» – подумал Норт, но вслух лишь пробормотал:

– Мне очень жаль, сэр, правда, жаль. Да, она мертва.

Бенджамен Трит отвернулся и медленно побрел к стеклянным дверям гостиной, выходящим в маленький внутренний садик, сейчас, в августе, утопавший в море красок буйно цветущих растений – розы переплелись с бугенвиллеями и гортензиями, красными, желтыми и розовыми. Один старый дуб был таким толстым, что тяжелые от листьев ветки закрывали целый угол сада, а плющ бесконечными кольцами обвивался вокруг ствола. Синие мотыльки-«красотки» вились над темно-зелеными листьями, заставляя их переливаться и мерцать в полуденном солнечном сиянии. Норт услышал нескончаемую скрипучую песенку цикады.

Доктор Трит по-прежнему стоял неподвижно, только плечи его сотрясались от сдерживаемых рыданий.

– Мне очень жаль, сэр. Не имел понятия, что вы и миссис Пенроуз были такими близкими друзьями. Вам необходимо поехать со мной, сэр. Но вы должны знать еще кое-что.

Доктор Трит медленно повернулся.

– Говорите, она мертва? Что еще? Ну же, Норт, говорите!

– По-моему, она не просто упала с обрыва. Думаю, кто-то ее толкнул. Правда, я не осматривал Элинор, не касался ее, просто пощупал пульс. Остальное – ваше дело.

– Да, – наконец выговорил доктор Трит. – Да, я поеду. Погодите, что вы сказали? Кто-то ее толкнул? Нет, это невозможно. Все любили Элинор, все. О Иисусе! Я сейчас еду. Бесс, – позвал он. – Спустись, пожалуйста! Мне нужно ехать. Джек Марли должен скоро прийти. Бесс! Поспеш, женщина!

На пороге гостиной появилась Бесс Трит, задыхаясь и прижимая к груди руку. Это была высокая стройная женщина с очень темными глазами. Брат и сестра были очень похожи. При виде Норта Бесс быстро присела и с радостью воскликнула:

– Милорд, наконец-то вы дома! Вы точная копия отца, но все мужчины Найтингейлов на одно лицо, и так было всегда, по крайней мере если верить миссис Фрили, а до того – ее матушке. О Боже, что-то неладно, верно? Почему ты собираешься уезжать, Бенджи? Что-то случилось? Кто-то в Маунт-Хок заболел?

Доктор Трит молча смотрел сквозь сестру, словно не видел ее и находился за много миль от Бесс и стоявшего рядом Норта. Наконец он тряхнул головой, пытаясь прийти в себя.

– У Джека Марли чирей на шее. Попытайся вскрыть его. Постарайся сначала хорошенько промыть больное место карболовой кислотой. Он никогда не моет шею, сама знаешь.

– Да, конечно, Бенджи. Я со всем справлюсь.

– Произошел несчастный случай, мисс Трит, – выдавил Норт. – Мы должны ехать.

– Несчастный случай? Но в чем дело? Бенджи, скажи мне! – Но доктор, продолжая покачивать головой и не говоря ни слова, прошел мимо сестры за Нормом.

Глава 2

Ханимид-Мэнор, Саут-Даунз
Сентябрь 1814 года

Она дрожала от озноба. В дом, и без того невыносимо холодный, быстро проникала сырость. Даже ее шерстяные чулки были влажными. Последние два дня с унылого серого неба струями падал дождь, постепенно сменившийся моросью и туманом, но, несмотря на это, температура по-прежнему понижалась, отравляя жизнь всем домочадцам, включая полосатого кота и не прекращавшего скулить и повизгивать Люси, плосконого мопса миссис Тейлстроп. Компаньонка повсюду носила его с собой, завернув в шерстяное одеяло.

Кэролайн снова вздрогнула. Боже, до чего холодно! Похоже, оба домашних привидения Ханимид летают по комнатам, замораживая каждый угол, или... или дело просто в обыкновенной скупости Роланда Ффолкса, ее опекуна. Да тут и гадать нечего! Никакие привидения не смогут сравниться с Ффолксом в изобретательности изводить людей. Они, возможно, тоже умирают от холода. И кроме того, бедняги не показывались вот уже три дня, с самого прибытия Ффолкса, и даже ни разу не испугали кота, хвост которого в таких случаях вставал трубой и становился в три раза пышнее обычного.

Правда, теперь призраки выходили совсем редко, раз или два в год, заставляя стены сотрясаться, картины валиться на пол, а горничных – визжать и расплескивать молоко на колени хозяевам. И все это только для того, чтобы напомнить о существовании того, что нельзя объяснить в саутдаунзской «Газетт».

Когда бы мистер Ффолкс ни навещал ее, он всегда вел себя в Ханимид настоящим хозяином. И это приводило Кэролайн в бешенство. Ханимид-Мэнор был домом ее родителей и, следовательно, ее собственным домом. Это ее дрова и ее камин!.. И все же он приказал слугам не топить до ноября. Самый тон опекуна словно говорил о том, что его пытаются одурачить и разорить. Жаль, что привидения ведут себя так прилично в его присутствии, черт бы побрал этого скрягу!

– Ах, – повторяла миссис Тейлстроп каждый раз, когда девушка жаловалась на опекуна.

Компаньонка кивала при этом головой, словно мудрый наставник, объясняющий что-то безнадежно тупому новичку, и при этом в ее голосе не было ни малейшего сочувствия.

– Ну же, успокойтесь, дорогое дитя. С мужчинами всегда так. Им тут же подавай все, чего хотят. Они хозяева в своих замках. Это их право. Нужно приспособливаться, дорогая. Вам необходимо еще многому учиться.

– Чепуха, – всегда отвечала Кэролайн. – Это мой собственный замок, а вовсе не его в конце концов!

Но миссис Тейлстроп вместо возражений всегда похлопывала ее по руке, движением, без слов говорившим о том, что девушка слишком наивна и совсем не разбирается в жизни, и только твердила:

– Ах, дорогое дитя, когда-нибудь, вы выйдете замуж и многое поймете. Если не научитесь, как подобает женщине, подчиняться каждому желанию мужа, он будет вами недоволен, а это, позвольте вам объяснить, поскольку Бог и меня когда-то благословил дорогим муженьком, может оказаться крайне неприятным.

Муж! Как бы не так! Кэролайн приняла твердое решение давно, за два года до семнадцатилетия, и с тех пор не подумала его изменить!

Зубы девушки начали мелко стучать. Она вышла в комнату, названную Цветочной из-за огромных букетов красных роз на белых, отклеивающихся от стен обоях, которым исполнилось уже не менее шестидесяти лет, пытаясь хоть там найти тепло, но увидела вычищенный камин, без всяких признаков пепла, золы или хотя бы сложенных дров, и поняла, что распоряжение

опекуна распространено в этот раз и на Цветочную комнату, где приезжавшие в гости соседи всегда пили чай.

Ну почему он такой жадюга? В конце концов это ведь ее деньги, не так ли? Какое Ффолксу дело, сколько дров уйдет на отопление *ее* дома? По какой причине Ффолкс вечно отказывается заменить древние диваны, стулья и занавеси? Отчего не разрешит купить гнедую кобылу, которую сэр Роджер хочет продать Кэролайн? Почему позволяет оставить только скрипучий старый кабриолет, грозивший вот-вот развалиться на ходу, и покорную старую кобылу, которая, несомненно, проиграла бы скачку и черепахе? И, Господи Боже, арендаторы! Их коттеджи так нуждались в ремонте! А еще нужны новые плуги и семена для посева! С тех пор как умер отец, ничего не делается, ничего не меняется!

Кэролайн терзалась угрызениями совести, остро ощущая собственную вину, хотя ничего не могла поделать с отвратительной скупостью опекуна. Но сколько бы она ни старалась отрицать это, даже наедине с собой, все же прекрасно понимала, почему Ффолкс боится потратить лишний пенни. Он хотел сам заполучить ее денежки и считал любой расход на одежду Кэролайн, ее поместье или земли совершенно пустыми тратами. Ну уж нет, ее деньги не попадут в лапы гнусного скряги! Он скоро убедится, что с Кэролайн не так легко справиться!

Девушка обхватила себя руками, пытаясь растереть ладонями озябшую кожу, но тут же покачала головой. Это просто абсурдно, смехотворно! Она быстро вышла из дома. Солнце только что пробилось сквозь низко нависшие серые тучи. Кэролайн стояла на узких ступеньках крыльца, подняв лицо к небу. Следовало бы позавтракать прямо здесь, вместо того чтобы дрожать как последней идиотке в темной холодной гостиной, которую опекун отказался обставить заново, хотя это необходимо было сделать еще пятьдесят лет назад.

Но завтра все будет кончено. Послезавтра она сможет делать все, что заблагорассудится! Завтра Кэролайн исполнится девятнадцать лет – волшебный возраст, по достижении которого отец решил предоставить ей полную свободу. Свободу или брак. Она имеет право выбирать.

О да, конечно, Кэролайн, возможно, выйдет замуж, когда поседеет и потеряет почти все зубы, и ее мужем станет красивый молодой человек, главной обязанностью которого станет ублажать ее и скрашивать последние годы на этой земле. И она, несомненно, вознаградит мужа, в зависимости от его усилий. Неплохая сделка, верно?

Завтра она выскажет мистеру Ффолксу все, что думает о нем. Обзовет паршивым скрягой и прикажет немедленно разжечь огонь во всех комнатах, даже в огромном камине старого холла, где можно легко изжарить быка. А потом вышвырнет опекуна вон! Начиная с послезавтрашнего дня Кэролайн никогда больше не придется видеть Ффолкса или его несчастного лопухого сына, молодого человека, который, в общем, даже нравился бы ей, если бы девушке время от времени не хотелось вцепиться ему пощечину, поскольку тот вел себя как слабоумный, когда раздражал отца, что происходило довольно часто.

– Дорогая мисс Деруэнт-Джонс!

Девушка обернулась, хмурясь, как всегда, при звуках голоса опекуна. Мистер Ффолкс не упускал случая обратиться к ней с подобной ужасающе официальной формальностью. Она едва успела стереть с лица раздраженную гримасу и выдавить сухую улыбку, которую весьма успешно сумела отрететировать за прошедшие два года. Точнее говоря, завтра будет как раз два года с того дня, как Ффолкс привез с собой Оуэна, чтобы тот попытался поухаживать за ней. Кэролайн знала Оуэна всю жизнь и даже неплохо к нему относилась, но тот памятный визит стал началом новых, невыносимых отношений, и Кэролайн именно тогда поняла, что детство ушло навсегда и окончательно.

Ах, какую бесконечную мучительную драму они разыгрывали, драму, иногда весьма смахивавшую на комедию! Отец, конечно, был напыщенным ослом, а сын – молодым человеком, которому никогда не будет позволено стать мужчиной, пока Ффолкс не ослабит смертельной

хватки. Но, что ни говори, Оуэн, несмотря на столь омерзительного папашу, был не так уж плох, хотя и немного бестолков.

Мистер Ффолкс с сыном пробыли здесь всего три дня, и уже через двадцать минут ей страстно захотелось треснуть опекуна кочергой по голове. Мистер Ффолкс, потирая руки и оглядывая огромный холл, построенный самой графиней Шрусбери в конце шестнадцатого века, объявил, что они приехали отпраздновать ее день рождения и что Оуэн был бы очень огорчен, если бы пропустил столь знаменательный праздник.

Ффолкс, произнося эту торжественную речь, расплылся в улыбке, хотя глаза его отливали ледяным блеском. Оуэн, с красными оттопыренными ушами, молча стоял рядом и не смел произнести ни слова. Однако любящий отец добавил, искоса поглядывая на сына, что дорогой Оуэн неизменно предан кухне, очень привязан к ней и беспокоится о ее счастье и будущем. После этого Ффолкс, олицетворение любящего благодушного родителя, признался Кэролайн, что Оуэн день и ночь грезит о ее прекрасных золотистых локонах (на самом деле светло-каштановых, прошитых несколькими, более светлыми прядями, выгоревшими под летним солнцем), о сверкающих фиолетовых глазах (по правде говоря, обыкновенных зеленых). Так продолжалось бы до бесконечности, пока Кэролайн наконец не вышла из себя. И тут Ффолкс сделал роковую ошибку, сравнив ее зубы с меловыми скалами Дувра. Это вызвало неудержимый смех девушки, поскольку она ожидала упоминания о бесценных жемчужинах, а опекун, истощив запас поэтической чепухи, обратился к геологическим терминам.

– Здравствуйте, мистер Ффолкс, – вымученно процедила она, растягивая губы в ледяной улыбке. – Солнце наконец показалось. Возможно, дом через пару недель согреется, если продержится теплая погода.

– Вероятно, но это не важно. Снова вы о чем-то замечались, мисс Деруэнт-Джонс. Правда, чего и ожидать от очаровательных молодых леди, не так ли? Вы поднялись с постели довольно рано для юной девы, которая провела половину ночи... смею ли я сказать это... в романтических скитаниях по саду? Сейчас лишь восемь часов.

– Это закон природы, о котором я до сих пор не слышала? И юная леди должна оставаться в постели весь день после вечерних увеселений?

Кэролайн с симпатией подумала о молодом красавце, за которого выйдет замуж, когда превратится в дряхлую старушечку, с трудом передвигающую ноги.

– Как всегда шутите, дорогая? Вы вечно подтруниваете надо мной... еще одна очаровательная черта вашего характера, сказал бы я, если бы мне нравились подобные вещи. Зато Оуэн просто в восхищении от вашего остроумия, но ему еще только предстоит повзрослеть. Правда, по собственному опыту должен сказать, что у молодых леди не часто хватает сил или... энергии встать чуть свет, проведя почти всю ночь без сна.

– Я легла в половине десятого, сэр.

– Неужели? Но я думал, что вы с Оуэном прогуливались по саду, и...

– Возможно, Оуэн и прогуливался, сэр. Вероятно, сравнивал розы с алыми бархатными шторами или каплями крови, падающими из порезанного пальца, хотя не совсем понимаю, как он мог сделать это, поскольку небо было затянуто тучами и непрерывно моросил дождь. Правда, вы вряд ли помните это, верно? Вы были слишком заняты уничтожением бренди моего отца, устроив настоящую попойку перед единственным зажженным камином, пока миссис Тейлстроп кудахтала над вами, предлагая сдобные пышки! Нет, сэр, прошлой ночью на небе не показалось ни единой звезды, которую можно было бы воспеть. Да и ваш Оуэн вообще не слишком любит цветы. Стоит ему понюхать розу, и он тут же начинает чихать. Что же до меня, я крепко спала и видела во сне собственный день рождения. Я уже несколько месяцев мечтаю, чтобы он поскорее настал.

– Вот как! – пробормотал Ффолкс, сбитый с толку и обозленный на сына за то, что позволил кухне ускользнуть из ловко расставленной сети.

Опекун был разозлен и на себя, потому что действительно весь вечер провел за бутылкой бренди и в обществе миссис Тейлстроп, согласно кивающей при каждом его слове.

Она много раз наставляла Кэролайн, что первейшая обязанность леди – слушать, кивать, улыбаться и предлагать джентльмену еду и питье. От ее проповедей девушка неизменно приходила в бешенство. Сейчас Кэролайн осторожно взглянула на опекуна из-под полуопущенных ресниц. Ффолкс все еще выглядел рассерженным, но и явно неуверенным в себе. Он, по всей видимости, не знал, что делать и как лучше перейти к интересующей его теме. О да, Кэролайн вполне могла представить детальные инструкции о том, как соблазнить ее, которые Ффолкс буквально вколачивал в тощую глотку и не очень-то сообразительные мозги сыночка. А Оуэн так подвел своего родителя!

Ффолкс прокашлялся и масляным голосом промурлыкал, источая спокойствие и обаяние:

– Что касается вашего дня рождения, дорогая мисс Деруэнт-Джонс, я посчитал, что лучше всего провести его в кругу семьи.

Кэролайн кивнула. Ей все равно, даже если придется отпраздновать день рождения на луне!

– Превосходно, сэр. Жаль, что у меня не так много близких родственников.

– О, мы с Оуэном постараемся проявить к вам как можно больше внимания. Кажется, Оуэн купил вам подарок... который... осмелюсь предположить, вполне может стать и подарком по случаю помолвки?

Наконец-то он перешел в открытое наступление. На секунду Кэролайн смутилась, но лишь на секунду и тут же широко улыбнулась опекуну:

– Оуэн слишком добр, но, мне кажется, для этого слишком рано, сэр. Мистер Дункан, конечно, сделал формальное предложение, но мы решили подождать до следующего месяца, прежде чем объявить о нашей помолвке. Свадьба назначена на Рождество. Нет, вряд ли я могу принять подарок от Оуэна, ведь о помолвке формально еще не объявили.

– Мистер Дункан! Кто, черт возьми, этот мистер Дункан? – Ффолкс выглядел так, будто его вот-вот хватит удар. Лицо побагровело и вспухло. Это невероятно обрадовало Кэролайн. Она почти видела, как ненавистный опекун катится по ступенькам крыльца, беспомощно взмахивая руками, не в силах даже вытереть пузырящейся в уголках рта пены, что-то в ярости бормоча.

– Как, сэр, разве не знаете? Это наш сосед. Я называю его своим дорогим сквайром. Дунканы живут здесь несколько веков. Вот уже три года, как он ухаживает за мной. Такой красивый джентльмен, с твердым подбородком и ушами, прилегающими к голове. Да, сэр, мы решили пожениться и объединить наши владения.

– Но вы никогда не упоминали об этом человеке, дорогая мисс Деруэнт-Джонс. Собственно говоря, я в жизни не слышал о мистере Дункане. Я вовсе не этого желал для вас, о чем вы прекрасно знаете. Придется поговорить с миссис Тейлстроп. Я выскажу все, что думаю о ее воспитании! Вижу, она не выполняет своих обязанностей!

– Вы не часто приезжали сюда, сэр, если не считать последних двух лет, когда навещали нас едва ли не каждую неделю, так что миссис Тейлстроп приказывала постоянно менять белье на вашей постели. Я не считала миссис Тейлстроп своей опекуншей или надзирательницей. Однако какое значение это имеет сейчас? По правде говоря, как только вы появлялись, я считала за лучшее держать моего дорогого мистера Дункана как можно дальше от этого дома.

– Но Оуэн почти всегда приезжал со мной. Вы много времени проводили вместе.

– Да, я совсем забыла, еще надо было менять чистое белье для Оуэна.

– Ваш юмор напоминает тонущую лодку, мисс Деруэнт-Джонс! Довольно невеселое зрелище. Я заметил, что в последние несколько дней вы подвержены приступам этого вашего юмора. Миссис Тейлстроп считает, что вы становитесь с каждым годом все более остроумной,

но я уведомил, что ее прямая обязанность – бороться со столь эксцентрическими привычками. Молодые леди обязаны быть скромными и почтительными. Как иначе они смогут найти себе мужа?

– Но мне это удалось довольно легко. Не забывайте о мистере Дункане.

– Да, да, но это вы так говорите. Теперь я желал бы, чтобы вы отвечали мне ясно и отчетливо.

– Остроумие во всех случаях остается остроумием. Жаль, что вы так его не одобряете. Что вы хотели бы узнать, сэр?

– Я хотел бы поближе познакомиться с этим парнем, Дунканом. Встретиться с ним и убедиться в честности его намерений по отношению к вам. С завтрашнего дня вы становитесь богатой молодой леди, и я хочу быть уверенным в том, что он не просто охотник за приданым. По правде говоря, я настаиваю на знакомстве с ним. Сегодня же пригласите его к ужину. Это будет только справедливо по отношению к Оуэну, не так ли? Даже легкомысленные молодые леди должны заботиться хотя бы о внешних приличиях и скромности, а также о доброжелательном отношении к молодым людям, искренне в них влюбленным.

Оуэн влюблен в нее? Да она и Оуэн – словно два скучающих пса – при виде друг друга лишь зевают и отворачиваются. Взбешенный опекун ненавидел не только ее чувство юмора – единственное оружие против него, – но считал Кэролайн глупой и ни на что не пригодной, и, возможно, был прав, ведь ни в одном камине действительно не было дров, не так ли?

– Не знаю, сможет ли мистер Дункан освободиться сегодня вечером.

– Видите ли, дорогая мисс Деруэнт-Джонс, я, говоря по совести, не могу позволить вам вступить в брак с человеком, которого никогда не видел и не одобрил. Это против ваших же интересов. Я буду чувствовать, что не выполнил своих обязанностей по отношению к вам. Насколько вы знаете, в завещании вашего отца есть пункт, требующий моего согласия на ваш брак. Конечно, я не вспоминал об этом, поскольку считал, что вы и Оуэн поженитесь.

Кэролайн уставилась на опекуна: нет, в такое просто невозможно поверить! Но неимоверным усилием воли сдержав взрыв ярости, она сухо объявила:

– Мне ничего не известно относительно условий моего брака или необходимости вашего согласия. Собственно говоря, до того, как встретить мистера Дункана, я вообще не собиралась выходить замуж. Мне хотелось бы посмотреть завещание отца.

– Конечно, мисс Деруэнт-Джонс. – На этот раз он не прибавил эпитета «дорогая», что само по себе уже было приятно Кэролайн. – Однако вряд ли юная леди поймет его содержание. Юридические термины весьма сложны для женского ума.

– Придется на этот случай призвать на помощь свое остроумие и хорошенько отточить его, сэр. – Фолкс взглянул на нее так, будто готов залепить ей пощечину. Это доставило неимоверное удовольствие Кэролайн, поскольку та, со своей стороны, не прочь была воткнуть ему нож между ребер.

– Могу я прочесть эту часть завещания прямо сейчас, сэр?

– К несчастью, завещание вашего отца осталось в моей конторе, в Лондоне. Потребуется время, чтобы написать моему клерку и переслать документ сюда, в Ханимид-Мэнор.

– Понятно, – пролепетала Кэролайн, испугавшись, что и в самом деле слишком хорошо все понимает.

– Короче говоря, ваш отец требовал, чтобы я одобрил каждого соискателя вашей руки, мисс Деруэнт-Джонс. Если же я не посчитаю жениха достойной партией, придется выполнять обязанности опекуна до тех пор, пока вам не исполнится двадцать пять или пока вы не найдете молодого человека, которого я признаю подходящим и достойным вас мужем.

– Прекрасно, сэр, вы вынуждаете меня признаться еще в одной неудачной шутке. Мистера Дункана не существует. И вообще нет такого мужчины, за которого я захотела бы

выйти замуж. Так что, сэр, завтра мне исполняется девятнадцать, я вступаю в права наследства, и вы больше не станете изображать кнут, постоянно свистящий над моей головой.

– Я так и думал, – пробормотал мистер Ффолкс.

И Кэролайн поняла, что чертов опекун перехитрил ее, солгав относительно условий в завещании отца. Но Ффолкс тут же миролюбиво улыбнулся и протянул к ней руки ладонями вверх.

– Нам не следует быть врагами, дорогая. По правде говоря, я так восхищался вами с тех пор, как вы выросли и стали прелестной молодой женщиной. Сын мой без ума от вас. И вы действительно с завтрашнего дня становитесь богатой невестой. Однако так же верно и то, что я остаюсь вашим попечителем до тех пор, пока вы не найдете мужа.

– А каковы обязанности попечителя по сравнению с опекунскими?

– Как попечитель, я должен советовать вам, куда вложить деньги, следить за всеми юридическими процедурами, куплей и продажей имущества, выделять вам достаточное содержание для удовлетворения всех ваших нужд, следить за вашим благосостоянием. Я был двоюродным братом вашего отца, мисс Деруэнт-Джонс. Он доверил мне заботу о вас и вашем будущем. Рад, что мистера Дункана не существует. Вас всю жизнь защищали, оберегали от джентльменов, которые могли бы воспользоваться вашей невинностью. Я буду продолжать защищать вас и дальше, мисс Деруэнт-Джонс.

Точно так же, как он защитил ее, послав в Академию Чадли для молодых леди, в Ноттингеме, откуда Кэролайн удалось сбежать всего три года назад. Она до сих пор была уверена, что в монастыре менее душно и мертвяще, чем в академии, в стенах которой эхом отдавался любой шепот. Девушка смертельно скучала в обществе хихикающих девчонок, которых ничего не интересовало, кроме ямочек на щеках учителя танцев. А преподавательницы! Они неуклонно и очень терпеливо старались сделать каждую девочку похожей на ее подруг и превратить всех в одинаковых механических кукол: глупеньких, но очаровательных и во всем покорных мужчинам. Такие куколки потом великолепно умеют притворяться, будто слушают мужей, пока мозги окончательно не перестанут работать; они вышивают всю жизнь, до последних дней, а потом благополучно отправляются на тот свет, оставив после себя соответствующее количество отпрысков.

В ужасе от подобной перспективы сообразительная Кэролайн, когда ей исполнилось шестнадцать, «слегла» с чем-то вроде чумы, насмерть испугав несгибаемую директрису. Та быстренько отослала «заболевшую» ученицу в Ханнимид-Мэнор, под крылышко дорогой миссис Тейлстроп. А дома пятна и гноящиеся язвы, искусно нанесенные на тело и лицо краской из ореховой коры, смешанной с густой серой глиной и размятыми дубовыми листьями, были немедленно смыты.

– Да, – продолжал мистер Ффолкс, – я буду по-прежнему вашим наставником. Возможно, вам и дальше захочется оставаться в Ханнимид-Мэнор, мисс Деруэнт-Джонс. Ведь Оуэн так любит сельскую местность.

– Сомневаюсь, мистер Ффолкс. Очень сомневаюсь.

– В том, что Оуэну нравится деревня? Ну конечно, это правда.

Кэролайн, ничего не ответив, повернулась и пошла в дом. Завтра она будет орать на него, сколько душе угодно, а потом прикажет убираться вон с ее собственности.

Но судьба рассудила иначе.

Час спустя Морна, верхняя горничная, схватила Кэролайн за рукав, приложила палец к губам и прошипела ей на ухо:

– Пойдемте, мисс, быстрее, быстрее.

Кэролайн помчалась за Морной по длинному коридору первого этажа к маленькому кабинету, втиснутому в самую глубь дома. В эту довольно уродливую комнату Кэролайн не любила заходить, поскольку она напоминала девушке о слишком многих поколениях мужчин,

становившихся с годами скучными и нудными и проводивших слишком много времени в этом кабинете в размышлениях и переживаниях и, несомненно, мучившихся при этом подагрой. Дверь оказалась чуть приоткрытой. И тут Кэролайн услышала голос Оуэна, ясный и отчетливый:

– Пожалуйста, выслушай меня, отец. Понятно, ты хочешь, чтобы я женился на ней. И давно мечтаешь об этом, но, пожалуйста, послушай! Кэролайн не такая уж простая и покорная девушка. Она упряма. Привыкла поступать так, как ей хочется. Она не питает ко мне неприязни, но считает дураком. И никогда не согласится выйти за меня замуж. Я уже тысячу раз повторял тебе. И ничто не изменит ее решения.

– Да, – сказал наконец мистер Ффолкс. – Ты действительно все испортил, хуже некуда, Оуэн.

Кэролайн замерла на месте и приложила ухом к щели.

– Но не могу же я насиловать ее! – капризно и раздраженно, словно избалованный ребенок, каким всегда казался в присутствии отца, проныл Оуэн.

– А почему нет, черт возьми?!

Наступило оглушающее молчание. Наконец Оуэн медленно выговорил:

– Она очень сильна. Ты достаточно хорошо знаешь ее. Кэролайн пытается пока только шуткой выходить из любого положения, но в определенных обстоятельствах будет сопротивляться, и мне придется причинить ей боль, даже связать, чтобы выполнить твоё желание.

– И?

– И что, сэр? Я даже не представляю, как смогу сделать это.

– Хочешь объяснить, что мой сын не способен выполнить свою мужскую обязанность?

– Но это страшный риск.

– Ты разочаровал меня, Оуэн. С другой стороны, ты, конечно, прав. Она испорченная высокомерная стерва, заносчивая и злая, которая должна понять, где ее место и кто здесь хозяин. Она не доверяет ни тебе, ни мне. Жаль, конечно, но дело, видимо, безнадежное.

Кэролайн услышала глубокий вздох мистера Ффолкса.

– Хорошо, придется мне самому сделать это. Я возьму ее, и она будет вынуждена выйти за меня, – неожиданно продолжил отец Оуэна.

– Господи, сэр, Кэролайн моя мачеха?! Да ей даже девятнадцати нет.

– Она взрослая женщина. Многие в ее возрасте уже имеют детей.

– В этом-то и весь ужас. Она совершенно не годится на то, чтобы стать матерью. И кроме того, хотя она моложе меня, однако гораздо сильнее.

– Как и я. Более того, сын мой, мне доставит особенное удовольствие выполнение именно этой обязанности – долга настоящего мужчины. Я не слишком стар, чтобы решиться на такое, и испытаю искреннее наслаждение, когда она окажется в моей власти. Кроме того, я куда умнее и хитрее Кэролайн. Только сегодня утром она попыталась меня одурачить, но я обернул слова девчонки против нее и заставил выглядеть настоящей душой. Не волнуйся. Она окажется в моих руках! Поверь, я свяжу ее, прикручу к кровати без всяких угрызений совести и стану брать снова и снова, пока она не согласится стать моей женой, а потом буду продолжать начатое и в конце концов награжу ребенком. Вот увидишь, мальчик мой, из нее выйдет превосходная мать. Хотел бы ты иметь маленького сводного братца?

– Сэр, не могли бы вы просто отдать ей наследство и покончить с этим?

– Не могу. И не хочу. Мне нужны эти деньги, Оуэн. Я сохранил ее наследство нетронутым, не истратил ни гроша и ни в чем не преступил закона. И теперь, когда денежки почти в наших руках, хочешь, чтобы я поджал хвост и сбежал? Неужели не желаешь получить того жеребца, которого продает Биттингтон? Да-да, сам вижу, что мечтаешь о нем. Все ясно, мальчик, если не можешь сделать это сам, предоставь мне. На том и решим. А сейчас пока достаточно. Иди.

И в самом деле достаточно. Более чем. Кэролайн обернулась, только сейчас сообразив, что Морна все еще стоит за спиной, глядя на хозяйку. Лицо горничной покраснело от гнева. Кэролайн в жизни не видела, чтобы Морна вообще сердилась. Девушки побежали к лестнице. Придется немедленно уехать отсюда, другого выхода нет. Миссис Тейлстроп и пальцем не пошевелит, чтобы помочь подопечной, – ведь именно мистер Фолкс выплачивает ей жалованье.

Отныне Кэролайн предоставлена самой себе. Деньги все равно принадлежат ей, независимо от того, останется она здесь, в Ханимид-Мэнор, или отправится в Россию. Но будет ли она в безопасности, когда вернется за наследством? И оставит ли к тому времени мистер Фолкс свои намерения? Ей срочно необходим пистолет. И, что еще важнее, нужен мужчина, умнее и безжалостнее мистера Фолкса, мужчина, который согласится защитить Кэролайн в обмен на часть ее наследства.

Где вы, мистер Дункан? Где вы именно сейчас, когда Кэролайн так нуждается в твердой мужской руке?

Глава 3

Снизу доносился мерный бой напольных часов, пробивших полночь. За долгие годы эти громогласные удары превратились попросту в ночные звуки, уже никого не способные разбудить, даже надоедливый мопс Люси. Но в эту ночь Кэролайн было не до сна. Девушка стояла, прислушиваясь и ожидая, словно в ней самой была взведена часовая пружина, натянутая до отказа. Только в отличие от часов шуметь ей никак нельзя.

Мистер Ффолкс наконец появился в холле на первом этаже, и Кэролайн выскользнула из укрытия за статуей Аристотеля, на цыпочках метнулась в свою спальню и повернула ключ в замке на два оборота. Она прислонилась к двери и замерла, молчаливая, как ночное небо, выжидая, выжидая... Вскоре послышался звук тяжелых шагов по длинному коридору, ближе, ближе...

Ффолкс остановился. Она ясно представляла, как он протягивает руку, но когда ручка двери бесшумно повернулась, отпрыгнула, хотя и предвидела все заранее. Кэролайн втянула в себя воздух и вновь замерла. Ручка повернулась еще и еще раз, пока опекун не сообразил, что дверь заперта. Кэролайн услышала, как Ффолкс выругался. Потом наступила тишина. Кэролайн словно видела, как он стоит в коридоре, не в силах решить, что делать дальше. Но девушка знала, что в хитрости ему не откажешь: Ффолкс наверняка придумает что-нибудь.

Наконец он постучал несколько раз, тихо, но отчетливо, и голосом, сладким, как клубничный джем, поданный утром на завтрак, прошептал:

– Дорогая мисс Деруэнт-Джонс! Это я, дорогая, впустите меня, пожалуйста. Я должен поговорить с вами. Это насчет вашего наследства, дело крайне серьезное. Впустите же меня, прошу! Ну же, не стоит капризничать! В ваших интересах поговорить со мной.

«Ха! – подумала Кэролайн. – Впустить его в спальню – все равно, что пригласить Наполеона в Уайтхолл³!»

Девушка не отвечала, только ждала и молила Господа, чтобы Ффолкс поскорее ушел. Наконец в коридоре послышались удаляющиеся шаги. Кэролайн показалось, что время тянулось дольше, чем в тот день, когда мать обвязала веревочкой дверную ручку, чтобы вырвать у дочери давно шатавшийся молочный зуб. Все-таки Ффолксу пришлось сдаться!

Кэролайн заставила себя простоять не шевелясь еще минут пять – времени вполне должно хватить, чтобы Ффолкс успел вернуться в свою спальню, за три комнаты отсюда по коридору, и лечь в постель. Она вытащила из-под кровати саквояж, натянула крепкие башмаки для прогулок пешком и накинула на плечи синий бархатный плащ. Подойдя к двери, Кэролайн очень медленно повернула ключ в замке и так же медленно взялась за ручку. Дверь приоткрылась. Девушка выскользнула в коридор и огляделась. Ничего, кроме теней, ночных теней, так хорошо ей знакомых.

Кэролайн быстро, но бесшумно побежала к центральной лестнице. Внезапно ее грубо схватили за талию и дернули. Кэролайн хотела закричать, но тяжелая ладонь опустилась ей на лицо. И девушка в ужасе поняла, что Ффолкс снова перехитрил ее. Она чувствовала его горячее дыхание и как он все сильнее сдавливает ей ребра, не давая дышать.

– Ну, сучонка, посмей только пикнуть! Думала, что одурачишь меня? Никому такое не удастся, никому, тем более какой-то дерзкой девчонке! Ну а теперь мы прогуляемся, отпразднуем твой день рождения. И моим подарком тебе будет мое семя. Вам понравится быть моей женой, мисс Деруэнт-Джонс, а если нет, что же, я заполучу ваши денежки, а остальное не важно. И лучше не сопротивляйся, потому что твое будущее в моих руках, все уже решено.

³ Главный королевский дворец в Лондоне.

Кэролайн что было сил впилась зубами в его ладонь и, услышав, как Ффолкс со свистом втянул в себя воздух, испытала мгновение ничем не замутненного наслаждения, но тут он с силой развернул ее, и жесткий кулак врезался Кэролайн в челюсть. Она рухнула на пол.

Пульсирующая боль привела ее в чувство. Кэролайн приоткрыла глаза и в недоумении огляделась. На шатком деревянном столе около нее горела единственная свеча. Остальная часть комнаты была погружена во мрак. Девушка попыталась сесть, но ничего не получилось: руки были связаны над головой и прикручены к спинке узкой кровати, от которой шел запах давно не стиранного белья.

– Прекрасно! Так ты пришла в себя! Не хотел ударить так сильно, но ты заслужила. Подумай об этом уроке и учти, что он будет повторяться до тех пор, пока не научишься слушаться мужа и относиться к нему со всем должным почтением. Твоя челюсть не сломана, я уже проверил. Ну, дорогая, вот тебе и девятнадцать. Ты вступила в права наследования и вскоре выйдешь замуж. Что ты об этом думаешь?

– Думаю, что вы просто сошли с ума.

– Значит, тебе придется дни и ночи проводить на коленях, молясь о том, чтобы дети не унаследовали моего безумия. Да-да, дорогая, у нас будут дети, так много, сколько я смогу подарить тебе. Я намереваюсь не давать тебе отдыха и желаю, чтобы ты постоянно ходила беременной. Большой живот заставляет женщину двигаться медленно и все внимание уделять ребенку и собственному деликатному состоянию. И к тому же ей не до глупой болтовни. На свете все бывает, и, может, родив дюжину ребятишек, и ты станешь образцовой женой. Правда, я сомневаюсь в этом, но кто может знать наверняка?

– И где вы подхватили это идиотское убеждение?

Но Ффолкс лишь улыбнулся и сел рядом с ней на узкую кровать. Кэролайн застыла, и он, увидев это, улыбнулся еще шире:

– Понимаю, ты боишься, хотя изо всех сил стараешься не показать этого. Совсем, как твой отец. Помню, когда мы были мальчиками, он ухитрялся вечно завести нас в переделку, от которой у родителей волосы дыбом поднимались, но отчаянно пытался никогда не показать страха и презрительно фыркал на тех, кто признавался, что боится. Так что мне хорошо известно, как ты трясешься от ужаса, – нет смысла скрывать это. Можешь кричать, если хочешь, мне все равно. Это лишь добавит остроты нашей первой ночи. Никто тебя не услышит. Никто не придет на помощь. Ну что же, приступим к наслаждениям плоти?

– Считаю, что вам лучше немного подождать, мистер Ффолкс.

– Меня зовут Роланд. И поскольку ты вскоре станешь моей женой, думаю, вполне приличествует называть меня по имени. Даю тебе на это разрешение.

– Я буду звать вас дураком. Нет, старым дураком. Это, пожалуй, вам лучше всего подходит.

Он вlepил ей пощечину. Резкая неожиданная боль и жар, разлившийся по лицу, заставили девушку невольно вскрикнуть, но она немедленно взяла себя в руки. Нет, она не покажет страха, но, Господи Боже, как это трудно, как тяжело!

– Ну вот, теперь ты наконец молчишь. Женщины вообще не должны много разговаривать, – заметил Ффолкс, поднимаясь, и Кэролайн заметила, что он уже успел переодеться в халат из темно-синей парчи с простеганными манжетами, и над крученым поясом нависало жирное брюхо. Ффолкс потянул за пояс, и полы разошлись. Его живот, твердый и выступающий вперед, был блее апостольника монахини. Ниже виднелся редкий пучок седеющих волос, среди которых покоилась его мужская плоть. Кэролайн затошнило. Сейчас вырвет!

Но девушка упорно не сводила взгляда с этих тоненьких ножек, с вяло повисшего «мужского достоинства», и тошнота неожиданно исчезла. Ее распирали смех. И Кэролайн расхохоталась, сначала сдавленно и напряженно, затем и страх куда-то испарился, и она смеялась и смея-

лась, весело, звонко, искренне. Но, увидев, как багровеет его лицо, а на шее пульсирует толстая вена, она начала задыхаться.

– Вы... – удалось наконец пробормотать девушке, и хотя она не могла показать на него пальцем, все-таки вызывая дернула подбородком. – Эта штука... такая жалкая. И вы тоже жалкий, старый, толстый баран! Совсем старик... Да это просто смехотворно!

И она продолжала хохотать. Но тут Ффолкс метнулся к девушке, бросился на нее и придал своим телом к тонкому тюфяку.

– Сука, проклятая сука! Закрой рот! Заткни свою проклятую пасть! – Он сел на нее верхом и снова начал избивать. Теперь Ффолкс тяжело дышал, и Кэролайн сочла за лучшее не дразнить его больше. Она хотела продолжать оскорблять его, но слова куда-то подевались, и вспоминать их становилось все труднее. Ффолкс одним рывком разорвал корсаж платья до самой талии. Внимательно оглядев ее сорочку, он очень медленно провел коротким пальцем по вздымающимся в вырезе полушариям.

– Очень мило, – одобрительно промычал он. – Ты, несомненно, все еще девственница. У меня не было девственницы вот уже двадцать пять лет, после матери Оуэна. Как вы покойны теперь, моя дорогая мисс Деруэнт-Джонс, или следует называть вас Кэролайн? Ненавижу это имя, но ничего не поделаешь. Видишь ли, когда-то жила на свете девушка, которую звали Кэролайн, и она не хотела меня. Влюбилась в твоего отца. Ах, уж эти любовные треугольники! Но он любил твою мать, что положило конец грезам Кэролайн. Интересно, о чем думала твоя драгоценная мамаша, давая дочери это имя, ведь твой дражайший отец, должно быть, противился этому! Но возможно, та, другая Кэролайн считала, будто так захотел твой отец, поскольку жалел, что не женился на ней? Вопросы, вопросы... на которые нет ответов. Но это и не важно, не так ли? Что же, моя дорогая, продолжим?

– Продолжим? Но это все вздор, как вы прекрасно понимаете! Мне скорее пристало звать вас отцом или дедушкой!

Ффолкс снова ударил ее по лицу, не сильно, но голова девушки судорожно дернулась.

– Ну а теперь посмотрим, какова ты без одежды.

Он сдернул сорочку с ее плеч, но, казалось, совсем не собирался глазеть на ее грудь. Кэролайн почувствовала дуновение холодного ночного воздуха и эти сморщенные руки на своем теле. Она едва не закричала от ужасного сознания того, что вот-вот должно с ней случиться. Ффолкс отпустил ее, встал и выпрямился, глядя на девушку. Затем кивнул, словно придя к какому-то решению, и стащил с нее одежду.

– Очень мило, – повторил он, сбрасывая халат.

Кэролайн закрыла глаза и тут же ощутила поползшие по животу пальцы, мявшие тело, гладившие бедра, словно измерявшие их ширину.

– Ты выносишь много детей, прежде чем умрешь от постоянных родов. Моя бедная Энн скончалась, когда рожала второго, и дитя погибло вместе с ней, но это оказалась всего-навсего девчонка, так что все равно от нее не было бы никакой пользы.

– Если попробуешь изнасиловать меня, я тебя прикончу.

Его голова резко дернулась. Кэролайн, пристально глядя на него, снова повторила:

– Если возьмешь меня силой, считай себя покойником. Поверь, я серьезна, как никогда. И знай, что я в жизни не выйду за тебя!

– Выйдешь. Выбора у тебя все равно не останется. Твоя репутация навеки погибнет. Ты станешь отверженной, а твоего ребенка заклемят прозвищем «ублюдок», на которого все будут смотреть с презрением.

– Мне все равно. У меня есть мое наследство. Ты не сможешь заставить меня согласиться на этот брак.

– Собственно говоря, – медленно выговорил Ффолкс, – я все могу. Могу. Ну а теперь давай покончим с этим! – Он начал гладить, тянуть и ласкать свою мужскую плоть, закрыв

глаза и откинув голову. Кэролайн отчаянно дергала веревку, стягивавшую запястья. Пути чуть поддавались, не слишком сильно, но достаточно, чтобы девушка в надежде продолжала выламывать и крутить руки. Она слышала, как тяжело пыхтит Ффолкс, но не смотрела на него, боясь, что на этот раз ее действительно вырвет. И тут он снова набросился на девушку, разводя ей ноги в стороны и вверх, и Кэролайн, не колеблясь и не задумываясь, подтянула колени к груди и с силой ударила его в пах. Ффолкс от неожиданности потерял равновесие и свалился на пол, стеная, плача и проклиная ее, но пока не в силах ничего сделать. Пока.

Кэролайн почувствовала, как уже скользят на запястьях намокшие от крови веревки, и, не обращая внимания на боль, продолжала быстрее и быстрее растягивать пути. О Господи, скорее, скорее! Если он придет в себя, прежде чем удастся освободиться... Нет, нет, нельзя даже думать об этом. Наконец ей удалось выдернуть руки. А Ффолкс уже сидел, держась за низ живота, и тихо стонал.

– Ублюдок чертов!

Подняв маленький деревянный столик, девушка с размаху ударила им старика. Свеча полетела в темноту, но Кэролайн успела поймать ее, прежде чем она упала на пол.

– О Боже, что ты наделала?

Это вбежал Оуэн, босиком, с волосами, прилипшими к черепу, и в наспех заправленной в бриджи сорочке!..

Посмотрев на Кэролайн, он перевел взгляд на отца.

– Говорил я, чтобы он не пытался проделать это с тобой, – сказал Оуэн не двигаясь, и в голосе его звучало странное удовлетворение. – Господи, Кэролайн, да ты совсем голая!

И юноша, как ни удивительно, отвел от девушки глаза и вновь посмотрел на отца, лежавшего на боку и не отнимавшего рук от живота. Он явно был без сознания.

– Мой бедный отец! Ты убила его! Я ведь пришел помешать ему сделать это...

– Неужели?

– Правда. Но я тебе не понадобился. Ты со всем справляешься сама. Говорил я ему, что ты достаточно сильна.

– Знаю. Я подслушала ваш разговор. Он не мертв, хотя, будь у меня пистолет, не задумываясь, пристрелила бы его! Ну а теперь, Оуэн, отвернись! Я должна одеться.

Она поспешно натянула плащ на разорванное платье.

– Что ты собираешься делать, Кэролайн?

– Какое тебе дело, жалкий червяк?

– Я вовсе не жалкий червяк. И пришел, чтобы спасти тебя. Он не оставит тебя в покое, Кэролайн. И не остановится. Ему необходимы деньги. И он заполучит тебя.

Девушка одарила кузена пристальным взглядом и швырнула ему веревку, набухшую от ее крови.

– Свяжи отца, Оуэн, и как можно крепче. Если попытаешься обмануть меня, я снова ударю его по голове. Потом расправлюсь с тобой, и, поверь, тебе будет очень больно.

Оуэн молча повиновался, и, если Кэролайн не обманывали глаза, ему даже доставляло удовольствие связывать отца.

Неожиданно глаза Ффолкса широко открылись, и он взглянул на сына, а затем на свои стянутые запястья:

– Оуэн, дорогой мальчик, что ты наделал? Неужели усмирил эту проклятую суку? Отвяжи меня, малыш, да побыстрее. Сын не должен видеть отца без одежды. Дай мне халат!

– Нет, Оуэн, халат понадобится мне самой. Твой дорогой отец предстанет во всем своем жирном величии перед тем, кто наткнется на него первым, и, несомненно, вызовет у конюхов немалое потрясение и удивление, но тут уж ничего не поделаешь. Да, мистер Ффолкс, я поняла, что вы притащили меня в конюшню, в жалкую кладовую, куда давно никто не заходит. Но

тем лучше. Надеюсь, ни один слуга в Ханмид-Мэнор не упустит случая полюбоваться столь веселым зрелищем. Можете быть уверены, что я оставляю дверь широко раскрытой.

Мистер Ффолкс смотрел на нее налившимися кровью глазами.

– Чертова сука, тебе это с рук не сойдет! Я еще овладею тобой, и ты будешь жалеть до конца жизни о том, что наделала!

Кэролайн хохотала долго и искренне. Но тут, взглянув на Оуэна, девушка в изумлении замерла. В его руке был пистолет. Благослови Оуэна Господь! Он действительно собирался помешать отцу. Но почему вытащил оружие только сейчас? Кэролайн молниеносно, словно змея, кинулась к Оуэну и отняла пистолет, с силой оттолкнув молодого человека. И снова повернулась к Ффолксу, наслаждаясь своей властью над ним:

– Да ты еще и взял на себя труд притащить сюда кровать! Как любезно с твоей стороны! Благодарю за это маленькое развлечение. Ну а теперь, Оуэн, выслушай, потому что я говорю лишь один раз. Возвращайся в дом. В моей комнате найдешь саквояж. Принеси его сюда. Ожидаю тебя через пять минут. Если не вернешься или приведешь кого-нибудь с собой, я застрелю твоего папашу, а потом и тебя. Поверь, Оуэн, я на все способна!

– Она ничего не сделает, Оуэн, она всего-навсего женщина, а женщины не могут убивать, не верь ей...

Кэролайн подняла пистолет и, заметив, что в нем только две пули, прицелилась и нажала курок. Мистер Ффолкс завопил. Пуля ударилась в деревянный пол, в двух дюймах от его ног в шлепанцах.

– Ну же, Оуэн, иди!

Повернувшись, Кэролайн презрительно оглядела бывшего опекуна.

– Интересно, сэр, если мой палец случайно соскользнет на курок, кто будет моим попечителем?

– Вам это насилие не сойдет с рук, мисс Деруэнт-Джонс! Я пошлю по вашему следу сыщиков с Боу-стрит! Они притащат вас сюда...

– Но почему?

– Что значит «почему», черт вас побери?!

– Почему кому-то, кроме вас, конечно, может понадобиться возвращать меня сюда? Мне исполнилось девятнадцать, и я потребую у вас наследство после того, как обоснуюсь в своем новом... э-э-э... доме.

– Каком доме? У тебя нет другого дома! Куда ты, спрашивается, денешься, идиотка?

– Вы искренне считаете, что я вам скажу правду? Да, в таком случае меня действительно можно было бы назвать идиоткой!

– Не имеет значения! Я отыщу тебя достаточно быстро, и тогда ты очень пожалеешь, что устроила такое!

– Сейчас вы похожи на ребенка, угрожающего родителям, – заметила Кэролайн, глядя на поверженного врага. – Но при этом вы отнюдь не ребенок, не так ли? Как бы мне хотелось, чтобы в пистолете оказалось три пули!

Неожиданно в дверях появился Оуэн с ее саквояжем. Кроме того, он успел сунуть ноги в сапоги и накинуть плащ, а на голову натянуть старую фетровую шляпу.

– Ну а теперь, Оуэн, мы немного проедемся верхом. – И, повернувшись к мистеру Ффолксу, добавила: – Я беру вашего сына в заложники, сэр. Если попытаетесь что-то сотворить, он лишится правой руки. Поверьте, правая рука ему необходима. Да и все остальное, что у него есть. Кому нужен безрукий инвалид? Понимаете, сэр?

Роланд Ффолкс выругался.

– Отец, ты не должен так выражаться в присутствии леди!

Кэролайн показалось, что мистера Ффолкса сию минуту хватит удар, а Оуэн только покачал головой и вышел из кладовой в сопровождении Кэролайн, целившейся ему в спину.

Они уже часа два ехали по проселочной дороге, глубоко вдыхая прохладный влажный воздух, наполненный свежестью дождя, лившего двое суток. Оба молчали, и Оуэн, наконец не выдержав, произнес:

– Не стоило мне оставлять отца лежать там обнаженным. Слуги найдут его, и сцена будет ужасной как для них, так и для него. Не очень-то это приятное зрелище, Кэролайн.

– Он несколько раз ударил меня по лицу. И собирался изнасиловать. Неужели он не заслуживает наказания?

– Но ты лягнула его в пах. Ты не мужчина, Кэролайн, и поэтому не знаешь, что это такое. Боль просто невыносимая.

– Откуда ты знаешь? Какая-то молодая леди уже успела лягнуть тебя в это место, Оуэн?

– О нет, просто один из друзей как-то в детстве попал мне туда мячом. Но кто научил тебя этому?

– Мать, когда я была еще совсем маленькой. Видишь ли, одну из наших горничных изнасиловали, и мать пришла в бешенство. Она сказала тогда, что всякая женщина даже в самом юном возрасте должна уметь себя защитить. По-моему, мама узнала от отца, как лучше обороняться. После того как я всему научилась, отец улыбнулся, погладил меня по голове и сказал:

– Ну вот, теперь у меня есть маленькая амазонка. Прекрасно!

– Да, это действительно должно усмирить любого мужчину. Когда меня ударили, я думал, что умираю.

Кэролайн широко улыбнулась, зная, что Оуэн не может ее видеть, ведь ночь была очень темной.

– Я рада, что твоему отцу пришлось страдать. Он плохой человек.

– Куда ты собралась? И куда меня везешь?

– Ты молчал, как столб, с той минуты, как мы покинули Ханнимид-Мэнор, и не желал сказать мне ни слова. К чему же теперь столько вопросов?

– У меня ушло довольно много времени на то, чтобы придумать, что сказать и в каком порядке.

Кэролайн поверила Оуэну. Он такой, каков есть. Что на нее нашло, зачем она потащила его за собой? Если Оуэн попытается бежать, она не сможет выстрелить ему в спину. Господи, да она даже не связала ему руки! Стоит Оуэну захотеть, он просто прищпорит коня и умчится от нее!

– Мы собираемся в Корнуолл.

– Корнуолл? Я был там однажды, в Сент-Остелле, это такая глушь! К чему забираться в столь Богом забытое место?

– Моя тетя там живет. Я не видела ее вот уже три года. Она примет меня. Это сестра моей мамы. Твой дражайший папаша не позволял мне покидать Ханнимид-Мэнор, так что я не смогла приезжать к ней, но она только смеялась над Фолксом и несколько раз навещала меня в Академии Чадли для молодых леди, этой тюрьме, куда заключил меня твой отец на столько лет! Мой бывший опекун – настоящая жаба, Оуэн!

– Но ты имеешь представление о том, сколько дней нам понадобится, чтобы добраться до Корнуолла? И в какой части Корнуолла живет твоя тетя?

– Мы уже в Нью-Форесте, Оуэн. Дня три-четыре, может, и меньше. Не скажу тебе точно, куда мы едем. Что, если ты решишь сбежать и во всем признаться отцу? Поэтому мы станем путешествовать ночью и отдыхать днем. Я украла деньги у твоего отца, так что нуждаться мы не будем.

– Но что ты сделаешь со мной, если мы благополучно доберемся до Корнуолла?

Кэролайн сосредоточенно нахмурилась, явно взвешивая все «за» и «против».

– Пока не решила, Оуэн. Возможно, зная, что ты мой заложник, твой отец будет вести себя более разумно и согласится подписать все бумаги, необходимые для того, чтобы ввести меня в права наследования.

– Он не сделает этого, Кэролайн.

– Тогда я стану посылать ему тебя по частям, Оуэн.

– То есть начиная с пальца?

– Да, или с уха.

Оуэн ничего не ответил и снова впал в продолжительное молчание. Лишь когда они объехали Стиплфорд, он признался:

– Я никогда не испытывал желания жениться на тебе, Кэролайн. Конечно, ты хорошенькая и даже красивая, но вовсе не такая, какой должна быть.

– И какой же я должна быть, по-твоему?

– То есть что значит какой?! Это вполне очевидно! Ты не плакала, не просила пощады, не молила, не лежала, как мертвая мученица, как любая скромная юная леди! Я пришел тебя спасти, но ты во мне не нуждалась, напротив, набралась дерзости ударить моего отца, а он всего-навсего пытался исполнить свой мужской долг.

– Мужской долг? Именно так ты называешь насилие?

– Это он так это назвал!

– Да, да, сейчас вспоминаю. Я подслушала почти весь ваш разговор в кабинете. Не будь твой отец таким злобным старым негодяем, я успела бы сбежать, а он не лежал бы в конюшне голый, к ужасу конюхов и своему.

– Меня просто страх берет при мысли о том, что ты могла стать моей мачехой!

– В жизни не собираюсь быть ничьей мачехой, Оуэн.

– Будешь. Он найдет тебя! Один Господь знает, что он сделает со мной, но на тебе женится, Кэролайн, и ты ничего не сможешь поделать.

Он говорил с такой уверенностью, что на секунду девушка почувствовала, как леденеет ее кровь. Но она тут же поняла, что Оуэн просто по-прежнему взирает на отца, как малыш на взрослого.

– Знаешь, Оуэн, возможно, это приключение будет полезно нам обоим. Ты мой пленник, это чистая правда, и не забывай, что я очень сильная и коварная. Однако когда ты доберешься до моей тети, может, сам увидишь, что мир, без твоего отца, вечно приказывающего тебе, что делать, окажется совершенно иным.

– Он доберется до тебя, – ответил Оуэн и при этом выглядел столь уверенным в этой истине, что был похож на новообращенного христианина. – И ты станешь моей мачехой.

Оба вздрогнули при этой ужасной мысли. Крупная дождевая капля упала Кэролайн на затылок.

– О Боже, – пробормотала она, поднимая глаза, – почему в жизни ничего не дается легко?

– Это все отец накликал.

Глава 4

Весь остаток ночи лил непрерывный холодный дождь. Оуэн и Кэролайн, несчастные, промокшие до костей, упрямо продолжали путь, останавливаясь на постоянных дворах, чтобы выпить горячего эля и обогреться у огня. Это отнимало слишком много времени, но другого выхода не было.

Наконец, к концу второго дня, дождь перестал. На следующее утро они заехали в гостиницу «Блек хейр инн» в Дорчестере обсушиться и отдохнуть. Кэролайн поспешно оделась, подошла к маленькому окну в спальне и выглянула. Во дворе стояли несколько экипажей, лошади, сустились какие-то люди. И, благодарение Богу, небо немного прояснилось. Кэролайн сладко потянулась. Уже почти одиннадцать часов ночи! Она прекрасно выпалась, как, впрочем, и Оуэн, судя по громкому храпу, несколько раз будившему ее. Но пора отправляться в путь.

Оуэн по-прежнему спал поверх одеял, постеленных на полу возле ее узкой кровати. Кэролайн слегка подтолкнула его ногой:

– Оуэн, поднимайся! Уже поздно, и мы должны поскорее оказаться за границей Плимута. Дождь перестал, значит, ехать будет не так уж трудно. Вставай же!

Оуэн перекатился на спину и застонал. Кэролайн поднесла свечу поближе. Его лицо краснелось, а лоб обжигал, как огонь. Кэролайн в растерянности смотрела на него: он болен, черт бы его побрал! Негодяй!

– Оуэн, поговори со мной! Не смей лежать тут и стонать, скажи хоть слово!

– Мне это не нравится, Кэролайн. Я плохо себя чувствую.

О Господи, какой неузнаваемо хриплый голос! Она встала на колени перед Оуэном, снова приложила ладонь к его лбу. Да, он болен, и очень болен.

– Позволь, я помогу тебе лечь в постель.

Оуэн тяжело обвисал в ее руках, так что девушке лишь с большим трудом удалось подтащить его к своей кровати. Она накрыла его всеми имевшимися в комнате одеялами и долго стояла, соображая, что теперь делать. Оставить его нельзя, как бы ей этого ни хотелось.

– Черт бы тебя побрал, Оуэн, не знай я тебя по-настоящему, могла бы подумать, что ты специально устроил это.

Он застонал.

– Попробуй только сказать, что это тоже проделки твоего папаши!

Оуэн вытянулся на постели, словно мумия.

– О, я верю, что ты болен. Ты недостаточно хитер, чтобы пытаться одурачить меня.

Она спустилась вниз. Лестница была пыльной, узкой и плохо освещенной. Кэролайн пошла на звуки громкого мужского хохота, доносившегося из пивной, и, заглянув туда, попыталась найти владельца гостиницы. Он был не выше Кэролайн, круглый, как бочонок, обмотанный вокруг талии широким белым передником, с огромным количеством пятен от эля: вряд ли столько могло появиться всего за один день. Хозяин стоял у камина, разговаривая с человеком, сидевшим за столиком и лениво вытянувшим ноги к огню. Девушка скользнула в комнату с низкими потолками и, осторожно обходя деревянные столики, направилась к хозяину. И неожиданно шум начал затихать. Мужчины как один усталились на Кэролайн, сначала молча, потом какой-то парень осмелился спросить:

– Это что еще такое, Мэкки?

– Просто маленькая пташка прилетела поиграть с нами. Клори не будет возражать, если мы немного позабавимся и с ней! Маленькая птичка, иди сюда, мы угостим тебя крепким элем и немного пощекочем!

Кэролайн продолжала идти, ни на кого не глядя, кроме хозяина, все еще занятого беседой с незнакомцем. Чья-то рука дернула ее за подол платья.

– Эй, кошечка, куда ты так спешишь? Мэкки хочет угостить тебя элем прямо из своей кружки! Что скажешь? Девушка медленно обернулась, совсем не испугавшись, поскольку здесь сидели всего-навсего мужчины, обыкновенные работники, решившие скоротать вечерок за элем и дружеской беседой, совсем как фермеры-арендаторы в Ханнимид-Мэнор. Дружелюбно улыбнувшись, она спокойно ответила:

– Нет, благодарю вас, мистер Мэкки, я должна поговорить с хозяином, мистером Тьюксберри.

– Эй, парни, она называет Мэкки мистером, словно важную шишку какую!

– Я и есть важная шишка, ты, неотесанная деревенщина! Значит, крошка, хочешь поговорить со старым Тьюксберри, верно? Вот это да, что скажешь, Уолт? Делишь с ним твой улов, киска?

– Нет у меня никакого улова, сэр. Пожалуйста, отпустите мое платье.

Мистер Тьюксберри наконец соизволил поднять глаза. Но Уолт не разжал руки. Кэролайн несколько мгновений стояла, словно прикованная к месту, не зная, что делать. Наконец, пожав плечами, она снисходительно оглядела Уолта и Мэкки, подняла кружку и сделала несколько больших глотков. Эль обжег горло. Глаза Кэролайн едва не вылезли из орбит. Она неудержимо раскашлялась и, задыхаясь, еле умудрилась пролепетать:

– Господи Боже, что это за пойло? То ли у меня внутри все оледенело, то ли охвачено пламенем!

Мужчины оглушительно расхохотались, стуча кружками о столы.

– Еще одну для маленькой птички! Эй, Клори, тащи скорее еще одну для нашей подружки!

– Нет, спасибо. Этого вполне достаточно.

Мэкки, впервые за много-много лет совершенно очарованный женщиной, потянул ее к себе на колени.

– Никогда не видел, чтобы такая малышка сглотнула разом целую пинту! Подари мне поцелуй, крошка!

Кэролайн нахмурилась, только сейчас заметив нетрезвую поволоку в глазах, островки щетины, пропущенные при бритье, ощутила запах конюшни от одежды.

– Мистер Мэкки, вы должны отпустить меня. Спасибо за эль, но с меня вполне хватит. По правде говоря, вряд ли мне когда-нибудь захочется еще раз попробовать это зелье. Ну а теперь послушайте: мой брат болен, и я должна позвать к нему доктора. Вы не можете мне найти его?

– Ваш брат – тот коротышка, почти без подбородка, у которого глазки бегают? Сдается мне, человек он ненадежный.

– Да, это Оуэн. Где же мне все-таки найти доктора? Я очень тревожусь за брата.

Мистер Тьюксберри отошел от джентльмена и направился к их столику, недовольно хмурясь. Наконец-то он хотя бы выслушает ее и объяснит этим людям, что они ошиблись. Но хозяин почти заорал ей в ухо:

– Мисс Смит, что это вы тут болтаете насчет того, будто ваш братец заболел? В самом деле, мисс, ваш *брат*? В жизни не поверю, что это так! Сознаться, он всего-навсего молодой джентльмен, с которым вы бесстыдно сбежали из дома! Отпусти ее, Мэкки, она слишком хитра для тебя и Уолта, да и для всех вас, несчастные деревенские дурни!! Да, да, ловкая шлюха, которая смеет под крышей моего дома заниматься своими подлыми делишками! Ничуть не удивился бы, если она потащила наверх беднягу, обобрала его до последнего пенни, а потом сделала вид, что он болен. Вы отравили его, мисс Смит?

Кэролайн была полностью сбита с толку. Он считает ее шлюхой? Бесстыдницей? Ум девушки просто отказывался воспринимать все его обвинения.

– Не воняй, Тьюкс! Эта малышка ничего плохого не сделала ни тебе, ни кому-то еще. Конечно, парнишка – ее брат. Слушай, Тьюкс, она ведь прехорошенькая, а он просто сморчок сушеный! Так что точно это брат, даже не сомневайся!

– Эй, Мэкки, послушай меня, она не кто иная, как...

– Добрый мой Тьюксберри, в чем дело? – вмешался джентльмен, сидевший у камина. Голос оказался низким, глубоким и спокойным, хотя в нем и слышались веселые нотки. Во всяком случае, смотреть на него было отнюдь не неприятно.

– Простите, милорд, тут явилась вот эта Молодая Особа и заявляет, будто парень наверху – ее брат и он заболел. Она...

– Но почему вы ей не верите?

– Да вы только поглядите на нее, милорд, сидит на коленях у Мэкки, словно так и надо! Вроде как привыкла к подобным штучкам! Совсем довела бедняжку Клоринду, видите, она из себя выходит и на стенку лезет, потому что эта пытается украсть всех ее клиентов. Не желаю я скандала! Клоринда выдерет все ее чертовы волосенки, и начнутся вопли, крики и слезы, а этого я не выношу. Подумать только, она опрокинула кружку эля, словно там вода была! Да какая леди станет глушить эль подобным образом?!

– Эта леди делает все, что захочет, – ответила Кэролайн. – Правда, я никогда не пробовала эль раньше и, вероятно, в жизни больше в рот не возьму. Он очень крепкий. Но разве существует какой-то закон, запрещающий женщине пить эль?

– Ха, – пробурчал мистер Тьюксберри.

– Итак, – продолжал неизвестный джентльмен, – вы мисс Смит?

– Не совсем, просто взять другую фамилию показалось мне довольно мудрым решением. – Обернувшись, девушка улыбнулась Мэкки. – Ну а теперь, мистер Мэкки, я действительно должна позвать доктора к брату. Кроме того, не хочется, чтобы Клоринда выдрала мои волосы.

– Клоринда – та еще птичка, ее на кривой не объедешь, да и характер не из покорных. Так что лучше тебе отпустить девушку, Мэкки.

– Мы добудем вам доктора, мисси, – объявил Мэкки и, приподняв ее, словно пушинку, поставил на ноги.

Он поднялся, и Кэролайн поняла, что в жизни не видела человека выше ростом. Она улыбнулась ему.

– Спасибо, мистер Мэкки.

Мэкки галантно поклонился, поцеловал руку и сказал:

– Ты милая девушка. Оставайся здесь, да держись подальше от Кори.

Он снова поклонился Кэролайн, куда грациознее, чем в первый раз, проревел что-то остальным, и те, словно покорное стадо, двинулись за ним.

– Эй, послушайте, мисси, я не позволю вам...

– Постойте, мистер Тьюксберри. Я хотел бы поговорить с мисс Смит. Пожалуйста, принесите ей чашку чая и скажите мисс Клоринде, что я позабочусь о том, чтобы эта юная гор-linka не вторглась на ее территорию.

Незнакомец улыбнулся Кэролайн.

– Хотите посидеть у меня на коленях или предпочтете стул?

– Вы не так сильны, как мистер Мэкки, и, возможно, уроните меня. Лучше я устроюсь на стуле.

Мужчина пристально посмотрел на нее.

– У вас острый язычок и на все готов ответ, – сказал он наконец. – Давно я не встречал подобной молодой дамы.

Он повел ее к своему столику у камина и отодвинул стул:

– Садитесь, пожалуйста, мэм. Не стоит рисковать тем, что я по слабости не смогу как следует удержать вас.

– Спасибо, сэр.

Он сел напротив и, протянув длинные ноги к огню, задумчиво нахмурился.

– Как вам это удалось?

– Что именно?

– Все эти мужчины выглядят, будто им сам черт не брат, любят опрокинуть лишнюю кружку. Но этот Мэкки тут же едва не падает на колени и клянется вам в вечной преданности. Как вам это удалось проделать?

– Честно говоря, не знаю. Мне они понравились, но ничего больше, клянусь. Напоминают мне фермеров в тех местах, откуда я родом, обыкновенных мужчин, все они пьют, чтобы хоть немного позабыть о заботах и бедах. Они обычно очень добры, как только поймут, что могут помочь ближнему.

– Осмелюсь заметить, подобный сорт людей вовсе не столь часто проявляет доброту к одиноким женщинам, забредшим в их логово, но с вами они были словно малые ягнята. Ну что же, пусть это останется тайной. Кстати, поговорим о погоде. Отвратительная ночь стала гораздо менее отвратительной, не находите?

– Да, я, правда, только сейчас проснулась, но заметила, что дождь перестал. Ненавижу ехать верхом под струями воды, и, кроме того, дождь сильно нас задержал.

Кэролайн поспешно закрыла рот ладонью и широко раскрыла глаза, сразу сделавшись похожей на верного солдата, случайно выдавшего врагу военную тайну.

– Если ваш брат болен, – бесстрастно заявил незнакомец, – значит, сегодня вы никуда не уедете.

– Мы насквозь промокли этой ночью. Я думала, что хороший отдых поможет нам остаться на ногах. Но у Оуэна слишком слабое здоровье.

– Это у него почти нет подбородка?

– Так вы все-таки слышали, что сказал Уолт? Наверное, он прав. Придется уговорить его отрастить бороду. Что вы об этом думаете?

– По-моему, сначала стоит хорошенько посмотреть на этот самый подбородок, прежде чем давать рекомендации.

– Не стоит, сэр. Когда мистер Мэкки вернется с доктором, тот наверняка даст Оуэну лекарство, и завтра мы снова тронемся в путь.

– Могу я спросить, куда вы направляетесь, мадам?

– В Корнуолл.

Незнакомец молча ожидал, вопросительно подняв темную бровь.

– Мне не хотелось бы откровенничать с вами, сэр. Не могу поверить, что уже рассказала так много. Я вас совсем не знаю. Вы можете причинить нам немало зла. Что, если за воротами гостиницы находятся ваши сообщники, только и ожидающие, пока вы подадите им знак?

– Да, – кивнул незнакомец, – это вполне возможно.

Он больше ничего не сказал, просто уставился в тлеющие уголья. И выглядел при этом совершенно спокойным, словно отдыхал в кресле у себя дома. У Кэролайн почему-то появилось такое чувство, словно ему было совершенно все равно, сидит ли она рядом или нет.

– Вы совсем один здесь, правда? И за воротами вас никто не ждет?

– Да, действительно, тут вы правы.

И тут Кэролайн неожиданно услышала собственный голос:

– Мое имя не мисс Смит.

Мужчина, медленно повернув голову, взглянул на нее:

– Конечно, нет. Вы уже говорили.

– Можете звать меня мисс Джонс.

Он улыбнулся. Сначала уголки губ едва заметно приподнялись, а затем растянулись в настоящей искренней улыбке. И тут незнакомец рассмеялся. Смех у него был замечательный, и Кэролайн без всяких колебаний объявила:

– Конечно, это всего лишь вторая половина фамилии, но, по-моему, не очень-то умно все выкладывать вам с первой встречи. Хотя... странно, но я совершенно не понимаю, что со мной творится. Вы ничего мне не приказываете, не просите, не умоляете рассказать, и, однако, я тут же открываю рот и говорю, говорю, говорю... Крайне неприятно. Вы действительно опасный человек.

– В этом случае не вижу никакой разницы между мисс Смит и мисс Джонс, хотя ни то ни другое имя отнюдь нельзя назвать вдохновляющим.

– А кто вы, сэр?

– Я? Моя фамилия Чилтон.

– Какой именно Чилтон? Что за Чилтон? Мистер Тьюксберри обращался к вам «милорд».

– Вот именно, поэтому «лорд Чилтон» так же прекрасно подходит мне, как носки, надетые только сегодня утром. Я бывал здесь уже раз шесть или семь и знаю, что Тьюксберри питает величайшее почтение к джентльменам, время от времени украшающим своим присутствием его дом и очаг. Думаю, он испугался, что потаскуха, устроившаяся на коленях Мэкки, навеки отвратит меня от дальнейших посещений его гостиницы. Он явно намеревался схватить вас за ухо и выкинуть в ночь.

– Куда вы направляетесь?

– В Лондон. У меня там дела. Но это не может интересовать вас, мисс Смит. А вот и ваш чай. Почему бы вам спокойно не выпить его, а я пойду посмотрю, на этом ли еще свете ваш слабовольный братец.

– О нет!

Кэролайн поспешно вскочила, перевернув при этом чашку, и беспомощно наблюдая, как чай медленно стекает по столу на ее юбку.

– Прошу прощения, мисс Смит?

– Мой брат вряд ли захочет видеть вас. Вы ему совершенно незнакомы, можете напугать его, и с ним приключится удар, или что-нибудь в этом роде, так что, пожалуйста, сэр, не...

Он снова сел, со спокойным, чуть утомленным и, по правде говоря, безразличным видом.

– Тьюксберри! Еще чашку чая и тряпку. Мисс Смит попыталась выстирать платье.

– Спасибо, – пробормотала Кэролайн.

Лорд Чилтон кивнул, не обращая больше на нее никакого внимания, и она снова, не колеблясь, объяснила:

– Нет, конечно, вряд ли он испугается или потеряет сознание при виде чужого человека, просто может все выложить, а это до добра не доведет.

– Точно так же, как вы все выкладываете мне сейчас, мисс Смит?

– О Господи, возможно, хотя я совершенно этого не желаю. Но я постоянно ловлю себя на том, что готова во всем вам признаться. Не понимаю.

– Возможно, вы католичка, и я чем-то напоминаю вам исповедника?

– О нет, вовсе нет. Все священники, которых я встречала, выглядят бледными, поскольку слишком мало бывают на свежем воздухе, и... как бы это лучше выразиться... слабыми неудачниками, так как боятся сказать все, что думают, из страха получить нагоняй от епископа.

– Куда именно в Корнуолле вы направляетесь? Нет, ничего не говорите, позвольте мне немного поразмыслить. Видите ли, я живу в Корнуолле и поэтому невольно задался вопросом, уж не предстоит ли нам в один прекрасный день стать соседями.

– Угадывайте, сэр.

– Прекрасно. Я живу около Гунбелла⁴.

– Вы все это выдумали. О, благодарю вас, мистер Тьюксберри. Простите, я, кажется, расплескала чай! Этот новый прекрасно пахнет.

Мистер Тьюксберри, видя, что лорд Чилтон отнюдь не шокирован присутствием потаскухи, выдавил нечто вроде улыбки.

– Попытаюсь удержать от вас Клори подальше, мисс, – процедил он, – но она очень расстроена, очень. И не доверяет вам ни на пенни!

– Я весьма ценю это, мистер Тьюксберри. Так как же, сэр, насчет Гунбелла? Совершенно абсурдное название, и вы, конечно, все это сочиняете.

– Меня разоблачили. Ну что же, тогда я живу рядом с Плейинг-Плейс⁵, недалеко от Крипплсиз⁶. – Кэролайн рассмеялась и поперхнулась чаем, пролив его теперь на корсаж.

– О Боже, посмотрите, это все из-за вас!

– Теперь вы промокли с головы до ног!

– Плейинг-Плейс, какой вздор! Крипплсиз, что за чепуха!

– Твелвхедз⁷.

– Я просто не смогу больше выпить ни капли чая, иначе оболью и вас, а уж это совершенно недопустимо.

– По правде говоря, одно из этих названий – настоящее или почти.

– А знаете, откуда родом я, сэр?

Лорд Чилтон поднял темную бровь и, помолчав, объявил:

– Бьюсь об заклад, что если подожду еще немного, вы сами все выпалите.

– Я жила в Оффпадле⁸.

– Прелестное местечко. Я провел там несколько чудесных недель со своей любовницей, миссис Оддсботл⁹.

Кэролайн сдалась, допила чай и, не собираясь продолжать беседу, молча сидела, прислушиваясь, не идут ли мистер Мэкки с доктором.

– Да, Изабелла Оддсботл. Я посоветовал ей официально сменить фамилию, но она отказалась, заявив, что ей нравится имя Изабелла, поскольку так звали ее бабу. – Но на этот раз Кэролайн не попала на удочку. Что же до лорда Чилтона, он откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и удивлялся себе. Подумать только, он заговорил с незнакомой молодой леди, да к тому же достаточно эксцентричной, и прекрасно себя чувствовал при этом. Странно, что же на самом деле ей нужно? Что она задумала? Он ни на минуту не верил, что этот самый Оуэн, лежащий наверху, ее брат.

Может, девушка действительно сбежала с ним? Ничего, он вполне может подождать. Как ни странно, Норт почему-то в самом деле хотел узнать, кто они – эта незнакомка и внезапно заболевший какой-то Оуэн. Стояла поздняя ночь, в комнате было тепло, бренди приятно грел желудок, и Норт заснул.

Кэролайн устала на лорда. Он действительно спал. Подумать только! Набрался наглости заснуть в ее присутствии! И тут она услышала стук входной двери, мужские голоса, перебывавшие друг друга, и улыбнулась. Джентльмену, сидящему напротив, не придется долго храпеть в такой суматохе! На пороге появился мистер Мэкки, которому пришлось согнуться в три погибели, чтобы войти, поскольку он был на добрый фут выше притолоки.

⁴ Шутовской бубенчик (англ.).

⁵ Смешные, придуманные названия мест, в действительности не существующих.

⁶ Смешные, придуманные названия мест, в действительности не существующих.

⁷ Смешные, придуманные названия мест, в действительности не существующих.

⁸ Смешные, придуманные названия мест, в действительности не существующих.

⁹ Странная бутылка (англ.).

– Костоправ, мисси. Уолт велел ему дыхнуть и пройти по половице. Вроде бы он не слишком много выпил, так что не прикончит вашего братца.

– Благодарение Богу и за это, – пробормотал лорд Чилтон, не открывая глаз.

– Его зовут доктор Такбакет¹⁰.

– О нет, – охнула Кэролайн, поднимаясь. – Интересно, происходит ли он из Мамблса¹¹. По крайней мере большинство Такбакетов – именно оттуда.

За спиной послышался смешок лорда Чилтона, звучавший, по правде говоря, довольно хрипло.

«Странный человек», – подумала Кэролайн, поднимаясь по узкой лестнице вслед за доктором Такбакетом, действительно передвигавшимся почти самостоятельно.

¹⁰ Помятое ведро (*англ.*).

¹¹ Mumble – бормотать (*англ.*).

Глава 5

Оуэн слег с тяжелой простудой, такой сильной, что доктор Такбакет счел необходимым влить ему в глотку целый пузырек микстуры собственного изготовления, пока Кэролайн поддерживала голову больного и уговаривала его не быть таким трусом. А Оуэн чихал и кашлял, а в перерывах ворчал, что она настоящая ведьма и такая злющая, что даже болезнь ее не берет. Отведя девушку в сторону, доктор Такбакет шепотом объяснил, что ее брат тяжело болен и должен пролежать в постели не менее недели. Кэролайн сокрушенно уставилась на него:

– Неделю? О нет, сэр, это совершенно невозможно!

Вспомнив о мистере Ффолксе, она добавила:

– У меня просто нет денег, чтобы провести здесь целую неделю!

– Тогда сначала заплатите мне, мисс, пожалуйста.

– О да, конечно. Вы уверены? Целую неделю?

– Посмотрим, но он вряд ли сможет оправиться раньше. Вид у него неважный.

– Но он ведь не умрет?

– Нет, если станете ухаживать за ним и держать подальше от эля Мэкки.

Сама мысль о том, чтобы стать сиделкой у Оуэна, казалась омерзительной, но Кэролайн кивнула и выговорила голосом заключенного, только что выслушавшего приговор:

– Оставьте мне все наставления и лекарства, сэр. Я позабочусь о нем.

Но вскоре ей пришлось понять, что добрые намерения и их выполнение – вещи абсолютно разные. Оуэн метался всю ночь, сбрасывал одеяла, бредил в жару и тут же трясся в ознобе. К четырем часам утра Кэролайн свалилась в единственное кресло, устало вытянула ноги, не обращая внимания на то, что влажные волосы падают на лоб, чувствуя себя настолько измученной, что была не в силах пошевелиться, и уставилась на Оуэна, наконец-то впавшего в благословенный, хотя не слишком-то крепкий сон.

– Заложник, – пробормотала она. – Я взяла тебя в чертовы заложники, и посмотри, что ты мне подстроил!

Оуэн застонал, и Кэролайн вынудила себя встать и осторожно положить ладонь на его лоб. Слава Богу, холодный! Температура спала. По крайней мере пока. В дверь тихо постучали. Кэролайн замерла, но тут же успокоилась. Ффолкс не имеет ни малейшего представления, куда она направилась. Никакого. Это, должно быть, мистер Мэкки. «Собственно, – подумала она, просветлев, – неплохо бы выпить глоток доброго эля!»

Она открыла дверь. На пороге стоял лорд Чилтон, одетый во все черное, облокотившись на косяк и небрежно сложив руки на груди. Он выглядел мрачным, угрюмым и задумчивым. Взгляд, которым он окинул девушку, был поистине зловещим. Кэролайн улыбнулась ему.

– Уже почти рассвет. Почему вы не спите?

Лорд Чилтон нахмурился, и девушка улыбнулась еще шире:

– Входите, раз вы уже здесь! Правда, в комнате всего одно кресло, и, думаю, вам вполне пристало занять его, поскольку вы все-таки лорд.

– Поскольку я лорд и также джентльмен, значит, вынужден уступить кресло вам. По крайней мере вы не изъявляете желания снова посидеть у меня на коленях.

Он казался еще более угрожающим и зловещим и, что-то пробурчав, подошел к постели, взглянул на Оуэна, приложил ладонь к его щеке, ко лбу, проверил пульс на шее, кивнул и уселся в кресло.

– Я устал, – вздохнул он, откидывая голову, – и совсем не чувствую себя джентльменом. Он ваш брат, так что можете сесть рядом с ним.

Кэролайн едва не ударила его по обуви в сапог ноге, но вместо этого сказала:

– Что вы тут делаете? Оуэн последние часы не так уж и шумел, поэтому я знаю, что он вряд ли разбудил вас.

– Как ни странно это звучит для вас и меня, я неожиданно проснулся сам и понял, что встревожен. Вы оба настолько невинны! И вам пришлось одной ухаживать за братом?

– Вряд ли Кори так уж хотелось оказать мне услугу.

– Нет, скорее всего, нет. Собственно говоря, она желала, скорее, оказать услугу мне.

– Неужели? В такой поздний час? Вам не стоило пить так много, сэр, это, несомненно, очень вредно.

Чилтон открыл глаза и поглядел на Кэролайн с таким раздражением, что та заморгала.

– Не будьте душой, – пробормотал он и, откинув голову на спинку кресла, снова закрыл глаза. Увидев, что джентльмен занял единственное кресло в комнате, Кэролайн присела на край кровати. Но лорд Чилтон медленно, лениво протянул:

– Эта комната просто кошмар какой-то. Маленькая и душная. И разит болезнью. Если не желаете, чтобы драгоценный братец Оуэн как можно скорее отправился в горные выси, предлагаю попросить у Тьюксберри номер побольше.

– Мне он не по карману.

– Я так и думал, – вздохнул он. – Кто же вы, черт возьми?

– Вам это совершенно не обязательно знать. Во всяком случае, зовут меня не Прюдентс¹². Но и ничего объяснять я не намерена. Не настолько я глупа, хотя устала так, что не помню, о чем говорила три минуты назад.

– Если вы проявите нескромность, постараюсь немедленно сообщить об этом.

– Спасибо. Так что вы здесь все-таки делаете? Врываетесь в комнату, обращаетесь со мной, как с деревенской дурочкой, и ничем не желаете помочь.

– Совершенно верно. – Лорд Чилтон снова открыл глаза. – Выглядите вы ужасно. Настоящая Прюдентс! В точности такая, какой я ее себе представлял.

– Можете звать меня Розмари. Это мое второе имя.

– Благодарение Богу и за это.

– Не хочу показаться грубой, лорд Чилтон, но почему бы вам не вернуться в свою спальню?

Он быстро поднялся, вынул из кармана ключ и вручил Кэролайн.

– Вот, возьмите. Номер седьмой, вниз по коридору, направо. Лучшая комната в этой проклятой гостинице. Поспите немного. Я пока присмотрю за братцем Оуэном.

– Вы это серьезно?

– Абсолютно, и вы станете чересчур серьезной, если немного не отдохнете. Бегите, пока верх взяли лучшие стороны моего характера.

– Оуэну не мешает поспать еще часа два. Потом его нужно напоить. Доктор Такбакет сказал, что он должен непрерывно глотать воду, словно умирающий от жажды верблюд.

– Где ночной горшок?

Кэролайн уставилась на него.

– Если он пьет, как верблюд, значит, захочет облегчиться. Неужели не подумали об этом, Розмари? Нет, не могу произносить это имя. Лучше уж мисс Смит! – Он глубоко вздохнул, как человек, чье терпение вот-вот лопнет. – Вижу, вы не позаботились о том, чтобы выполнить эту неприятную обязанность, и даже не подумали о ней.

– О Господи, горшок под кроватью!

Лорд Чилтон кивнул и показал на дверь:

– Идите спать, мисс Смит.

¹² Благоразумие, осторожность (англ.).

Кэролайн покорно пошла к выходу, не в силах понять, с каким странным человеком свела ее судьба. Интересно, что скажет тетя Элли, узнав об этом сумасбродном приключении? Оставалось лишь горячо молиться, чтобы это самое приключение благополучно закончилось у порога тети Элли, а не в какой-нибудь каталажке, потому что у нее наверняка не хватит денег оплатить все расходы. И к тому же нужно помнить об Оуэне, бедняге Оуэне, так не ко времени заболевшем. Ну почему он не мог подождать, хотя бы пока они доберутся до Корнуолла? И теперь ее терзало неотвязное предчувствие, что мистер Ффолкс отыщет их. Обязательно отыщет.

Кэролайн проспала добрых шесть часов на мягкой пуховой перине под пологом, украшавшим кровать лорда Чилтона. Именно он разбудил ее, осторожно проводя кончиком пальца по лбу. Какое странное ощущение... почему-то успокаивающее, хотя, несомненно, все это очень неприлично, и Кэролайн понимала это, но ей так хотелось знать, что будет дальше, поэтому она не произнесла ни слова, лишь вздохнула. Кончик пальца немедленно замер и отстранился.

– Вы проснулись, мисс Смит? Ну же, откройте глаза. Уже почти полдень, и я всячески умолял и просил мисс Клоринду принести вам обед и при этом не выдрать все ваши волосы до последнего. Это оказалось весьма трудной задачей, поскольку она знает, что вы ночевали в моей комнате, и сделала из этого свои выводы, вполне понятные, если вспомнить, как уютно вы устроились на коленях Мэкки, когда прикончили весь его эль.

Кэролайн захотелось, чтобы он снова погладил ее по лбу. Открыв глаза, она взглянула на него. Лорд Чилтон наклонился слишком низко, так что его лицо находилось всего в нескольких дюймах от ее лица.

– Ваши глаза очень, очень темные, – пробормотала она. – Не черные, но, конечно, и не карие. Ваши родители были маврами?

– Нет, но, насколько я слышал, в жилах матери текла кровь ирландцев. Говорят, что глаза у меня, как ни странно, еще темнее, чем у нее. И если не считать этой черты, в остальном я как две капли воды похож на отца, по крайней мере внешне. Что же касается остального, каждое утро покорно молю Бога, чтобы... – Он осекся и недоуменно нахмурился: – Я вовсе не собирался говорить это. Какая несдержанность с моей стороны!

– Как Оуэн?

– Непрерывно ноет и жалуется. Хороший признак.

Кэролайн опустила руку и легонько толкнула его в плечо. Лорд Чилтон встал. Девушка села и потянулась.

– Подумать только, какая наглость с его стороны! Мало того, что свалился на мою голову, расстроил наши планы, да еще и жалуется, словно во всем моя вина, а Господь знает, это не так.

– Он всего-навсего мужчина, мисс Смит.

– Мальчишка, которому лишь предстоит стать мужчиной. Если считаете, что он сейчас невыносим, посмотрите, что станет через пять лет!

Он снова хмыкнул, по-прежнему довольно хрипло, но Кэролайн обрадовалась тому, что заставила его развеселиться. Она улыбнулась Чилтону, снова потянулась и встала с постели. Нащупав ногами туфельки, девушка надела их и подняла ногу, чтобы завязать ленты вокруг щиколотки.

– Непонятно, почему вы так непринужденно ведете себя в присутствии джентльмена, мисс Смит? Даже не стесняетесь показать лодыжку! Я не привык к такому благосклонному обращению со стороны молодых леди.

– Тогда не смотрите. Вы же не подумали отвернуться, так как же мне завязать туфли?

– Справедливо. Ну же, поторопитесь, спустимся вниз и пообедаем. Я попросил мисс Клоринду пока посидеть с Оуэном. Осмелюсь сказать, лихорадка скорее всего вновь к нему вернется, но уже по другой причине.

– Но отчего же?! О нет, неужели она дает ему вино или говядину или какую-нибудь тяжелую пищу?!

– Нет, мисс Смит, она кормит его овсяной кашей с медом.

– Превосходно, не стоит больше меня пугать! О Боже, мои волосы!

Лорд Чилтон вручил ей гребень, с темными волосками между зубьями, и показал на маленькое зеркало на ночном столике. Сам он стоял у двери, сложив руки на груди и наблюдая, как девушка осторожно расчесывает спутанные пряди и умывается водой из кувшина, стоявшего рядом с зеркалом. Наконец она осторожно промокнула щеки мягким полотенцем.

Раньше лорду Чилтону всего один раз удалось видеть, как леди совершает туалет. Тогда он был почти малыш, но внезапно возникшее видение причинило острую боль, хотя лица той, другой женщины, он почти не мог различить, только отчетливо вспомнил тихое пение и улыбку, прелестную добрую улыбку, которой она одарила его тогда, много лет назад. Лорд Чилтон отвернулся и через минуту зашагал по узкому пыльному коридору.

– Поторопитесь, мисс Смит.

Наступила полночь. Вот уже три дня прошло с той минуты, как они переступили порог «Блек хейр инн». И, как ни странно, лорд Чилтон тоже никуда не уехал, сказав лишь, что пока он «нашел чем здесь развлечься». Больше он слова не вымолвил, но Кэролайн страшно захотелось как следует стукнуть его, поскольку это звучало так, будто она и Оуэн – куклы, специально созданные для его увеселения. Однако девушка была очень благодарна за его помощь. Не будь лорда Чилтона, мистер Тьюксберри попросту выбросил бы ее и Оуэна на улицу.

Девушка чувствовала приближение мистера Ффолкса, точно знала это, поэтому, когда в полночь раздался стук в дверь, она не встала, не произнесла ни слова. Дверь с грохотом распахнулась, ударившись о стену, и мистер Ффолкс ворвался в бывшую спальню лорда Чилтона, отданную два дня назад Оуэну.

– Ага!

– Добрый вечер, мистер Ффолкс. Как вы нашли нас?

– Нашел вас, черт бы тебя побрал, глупая...

– Прошу вас, сэр, говорите потише. Ваш сын еще не выздоровел и сейчас спит.

Мистер Ффолкс что-то проворчал, но все же соизволил взглянуть на сына, свернувшегося клубочком под одеялами.

– Что с ним такое?

– Мы всю ночь ехали под дождем. Он сильно простудился. Но теперь Оуэну легче, и к концу недели он поправится.

– Мало того, что взяла моего сына в заложники, намереваешься еще и убить его?

– Заложник? Леди берет джентльмена в заложники?

При звуках незнакомого голоса мистер Ффолкс круто развернулся. Перед ним, вне всякого сомнения, стоял аристократ. Он мог узнать благородного джентльмена за две мили, пропади пропадом эта знать, их высокомерие, их надменные манеры, протяжно-ленивый выговор, от которого в сердце Ффолкса мгновенно вскипали бешенство и гнев на несправедливость судьбы: ведь это он, а не его проклятый кузен, давно сошедший в могилу, должен был получить титул.

– Да, лорд Чилтон, – кивнула Кэролайн. – Удивительно, почему Оуэн не рассказал вам всего, он, видимо, хотел меня защитить. Я действительно взяла его в заложники, и он посчитал, что связан словом и обязан молчать. Это его отец, мистер Роланд Ффолкс. Сэр, это лорд Чилтон.

– Значит, вы ее отец.

– Что?

– Ну, если Оуэн ее брат, следовательно, совершенно очевидно можно сделать вывод, что вы их родитель.

Мистер Ффолкс негодуяюще выпрямился. По правде говоря, он выглядел достаточно величественно в темном плаще и сапогах.

– Я ее нареченный, – объявил он, – хотя не вижу, какое отношение это имеет к вам, лорд Чилтон.

– О нет, естественно, это не мое дело, хотя вы кажетесь немного староватым для столь юной леди. Могу я спросить, почему ваш сын оказался заложником?

– Это чистый вздор. Он мужчина! И вам совсем ни к чему все это знать! Не вмешивайтесь, сэр. Вам, пожалуй, лучше уйти!

– Но вы не мой нареченный! – воскликнула Кэролайн, поднимаясь. – Пожалуйста, прекратите нести чушь, мистер Ффолкс! Лорд Чилтон, этот человек был моим опекуном, пока на прошлой неделе мне не исполнилось девятнадцать. Он пытался вынудить меня выйти замуж за Оуэна, но, поняв, как все это смехотворно, собрался изнасиловать меня и сам стать моим мужем. Я убежала, захватив в заложники Оуэна. Потом, – добавила девушка, видя, что Оуэн очнулся и, натянув одеяла до подбородка, уставился на отца, словно школьник, пойманный на воровстве, – потом мой кузен заболел.

– Понятно, – кивнул Чилтон.

– А теперь, сэр, оставьте нас, – объявил мистер Ффолкс.

– Но как вы меня отыскиали?

Ффолкс, глядя на сына, объяснил:

– Дождь лил как из ведра, и хозяева каждой гостиницы, где вы останавливались, прекрасно вас запомнили. Кроме того, я разослал пятерых человек обыскать всю округу.

– И, готова побиться об заклад, заплатили им моими же деньгами, вор проклятый!

– Мне кажется, сэр, – вмешался Чилтон, видя, как юная мисс Смит устрояюще побагровела и, стиснув кочергу, спрятала ее за спиной, – поскольку мисс Смит...

– Смит? Что за идиотство? Ее имя Деруэнт-Джонс, и я ее жених! Думаю, нам стоит обвенчаться перед тем, как уехать отсюда.

– Простите, сэр, но мисс Деруэнт-Джонс – совершеннолетняя и если не хочет выходить за вас, то вовсе не обязана делать это.

– Конечно, обязана! Ее репутация окончательно погублена. У нее, собственно говоря, вообще нет репутации. И не будет, если только я не женюсь на ней и не исправлю содеянное!

– Да я скорее выйду за Оуэна!

С кровати послышалось жалкое бормотание.

– Тихо, мальчик мой, я не взвалю такой груз тебе на шею! Придется страдать самому и жалеть об этом всю жизнь, но следует выполнить долг.

Норт Найтингейл, лорд Чилтон, перевел взгляд с мистера Ффолкса, казавшегося не столь уж и плохим человеком, а просто упрямым как осел и готовым пойти на все, лишь бы добиться цели, на мисс Деруэнт-Джонс, явно решившуюся огреть кочергой мистера Ффолкса по голове, затем взглянул на страдающего Оуэна, лежавшего с зажмуренными глазами, и сказал:

– Знаете ли вы, мистер Ффолкс, что мисс Деруэнт-Джонс последние три ночи провела в моей постели? Известно ли вам также, что я каждое утро бужу ее, глядя по лбу кончиками пальцев? Представляете, какое наслаждение мне доставляет наблюдать, как она умывается и причесывается?

Мистер Ффолкс ошеломленно уставился на него. Кэролайн невольно последовала примеру бывшего опекуна. Лорд Чилтон искажил правду, и теперь, если ему поверить, она действительно выглядела последней потаскухой. Но он, конечно, пытается по-своему спасти ее от мистера Ффолкса.

– Я требую свое наследство, мистер Ффолкс! Немедленно, сию же минуту, подпишите все нужные документы и передайте мне!

– Твоего там ничего нет! Ты женщина и, следовательно, неспособна вести дела. Твой отец был последним дураком, когда составил подобное завещание! Нет, тебе нужен муж – я. Все будет в моих руках, и тогда я со всем справлюсь, включая тебя и моего сына. Я даже попытаюсь смириться с твоей распушенностью – подумать только, связаться с этим человеком, когда твой бедный кузен Оуэн так страдал!

– Ах, какая трогательная мелодрама! – вставил Норт, обращаясь к камину. – Правда, очень плохая, почти как та, что произошла в Лондоне, когда молодой человек, узнав, что любимая изменила, пришел в неистовство и по ошибке убил козла, и...

– Довольно, сэр! – прикрикнул на него Ффолкс.

– Правильнее говорить, – очень мягко поправил Норт, – не «сэр», а «милорд». Не стоит забывать о хороших манерах, иначе придется вызвать вас на дуэль и ранить, и тогда и вы с Оуэном будете лежать рядом, бок о бок, и дружно ныть.

– Наглый щенок!

– Прекрасно, теперь лишь остается кончить изрыгать проклятия и обращаться ко мне как подобает.

Кэролайн, поглядев на мужчин, выпрямилась и объявила:

– Мистер Ффолкс, теперь, когда вы здесь, возьмите на себя заботу об Оуэне. Я уезжаю. Лорд Чилтон, благодарю за помощь. Поверьте, я очень ценю все, что вы для меня сделали.

– Ты никуда не поедешь, девчонка! – рассвирепел мистер Ффолкс, схватив Кэролайн за руку и прижимая к себе. Норт завороченно наблюдал, как девушка что было сил ударила кочергой мистера Ффолкса по плечу. Тот взвыл и выпустил ее.

– Проклятая сука, я...

Она снова ударила его, по другому плечу, и, отбросив кочергу на пол, отряхнула руки, подняла саквояж и начала бросать туда одежду.

– Ты убила меня!

– Нет, – покачала Кэролайн головой, не глядя на него, – но очень хотела бы. Оставьте меня в покое, мистер Ффолкс. Я попрошу своего поверенного связаться с вами.

Она подхватила плащ и устремила к порогу. Мистер Ффолкс рванулся было следом, но Оуэн, вынырнув из-под одеял, взмолился:

– Отец, да отпусти ты ее! Она не выйдет замуж ни за тебя, ни за меня. И она ничуть не заботится о собственной репутации. Пожалуйста, папа, отдай Кэролайн деньги. Давай покончим со всем прямо сейчас и отправимся домой.

– Да я ей цента не дам, и ты, ты, паршивый, вероломный пес, еще заплатишься за все, что натворил!

– Натворил? Отец, я простудился. Не заболею я, ты никогда бы нас не нашел!

– Не будь глупцом, Оуэн! Я знаю, куда она едет. К своей тетке Элли, в Корнуолл, забытую Богом дыру, называемую Тревеллес. Не отыщи я вас здесь, продолжал бы путь туда. Но даже лучше, что все произошло именно так, иначе эта чертова баба попыталась бы защитить свою племянницу.

Норт почувствовал себя так, словно получил пинок в живот. Тревеллес? Тетя Элли? На мгновение у него закружилась голова, сердце пронзила жгучая боль, боль, которая вскоре станет и болью Кэролайн.

– Да, весьма интересный случай, – сказал он вслух мистеру Ффолксу и кивнул Оуэну, который неожиданно и с явной симпатией признался:

– Спасибо, Норт, за то, что ухаживал за мной. Надеюсь, мы еще встретимся. Возможно, ты найдешь время поучить меня игре в пикет¹³.

– Пф-ф-ф! – фыркнул отец.

¹³ Карточная игра.

– Возможно, – согласился Норт. – Прощайте, Оуэн, мистер Фолкс.

Фолкс холодно поклонился, но не произнес ни слова и, повернувшись к сыну, велел:

– Ты останешься здесь, Оуэн, и закутайся потеплее, хотя не представляю, как ты можешь терпеть все эти одеяла. Я еду за мисс Деруэнт-Джонс. Она не успела уйти далеко. И на этот раз мне удастся с ней справиться. Я все улажу. Я мужчина и гораздо умнее ее, вот увидишь, все уладится.

«Черта с два, – подумал Норт, шагая по коридору. – Черта с два».

Глава 6

Норт потрясенно уставился на Тьюксберри, ощущая пронизавшее его до мозга костей глубокое восхищение и пытаясь удержаться от хохота.

– Да, милорд, вы имеете полное право смотреть на меня так брезгливо, поскольку эта маленькая потаскуш... то есть я хотел сказать... э-э-э... мисс, уехала, не заплатив по счету. И что мне теперь прикажете делать?

«Следовало бы догадаться, – подумал Норт. – О да, следовало бы догадаться. Хотя все верно, почему она обязана платить за своего заложника? Заложника. – Он стиснул зубы, боясь неприлично рассмеяться. – Господи, неужели эта хрупкая девушка могла взять в заложники мужчину?»

Пожав плечами, Норт объяснил:

– Ее отец сейчас наверху, вместе с ее братом. Его зовут мистер Роланд Ффолкс. Естественно, он возместит все, что она задолжала.

– Но почему девчонка вылетела, словно птичка из клетки, если ее отец приехал?

– Видимо, – заговорщически поведал Норт, наклонившись поближе к хозяину, – жена мистера Ффолкса, Матильда, сбежала с немцем-лакеем. Дочь по примеру матери тоже удрала, взяв с собой брата. Она терпеть не может отца. Сами увидите, омерзительный тип!

– Ах, вот оно что, – кивнул Тьюксберри, – лакей-немец, говорите? Бедняга!

Норт торжественно кивнул, заплатил по своему счету, попрощался и вышел во двор, слегка похлопывая себя по ноге хлыстом. Утро выдалось сереньким, облачным, но теплым. Правда, вот-вот должен был пойти дождь, но это отнюдь не редкое явление в Англии, особенно здесь, на юго-западном побережье. Норт окликнул одного из грумов и попросил привести Тритопа, который, по всей видимости, так застоялся, что теперь помчится как ветер. Нужно догнать девушку, и Норт не сомневался, что это не займет много времени. Тритоп – великолепное животное, быстрое и сильное.

Парнишка отдал честь, поклонился и побежал в большую ветхую конюшню в глубине двора, но тут же возвратился, красный как рак, лихорадочно осматриваясь, словно в поисках помощи, которой явно было неоткуда ждать.

– Ваш конь пропал, милорд.

– Как пропал? О чем ты? Это гнедой жеребец с белыми носочками на передних ногах.

– Знаю, милорд, но Спарки говорит, что молодая леди взяла Тритопа и оставила вам свою лошадь, бравую старую кобылку, широкогрудую, но очень уж смирную, милорд, если понимаете, о чем я. Настоящий тихход.

«Не стоит и удивляться», – подумал Норт, хотя на этот раз было не до веселья, а на язык так и просились проклятия. Она одолела мистера Ффолкса, а сейчас без особых усилий перехитрила и его. Вне всякого сомнения, девчонка, увидев Тритопа, поняла, что сможет ускакать на этом великолепном коне куда дальше, чем на кобылке, которая выглядит так, словно ела за троих с тех пор, как попала сюда.

– Ну, старая сонная кляча, что скажешь?

Кобыла с тоской посмотрела на него.

– Все так плохо? Прости, но ничего не поделаешь. Нужно же отыскать твою хозяйку. По моему, она перепутала лошадей и думает, что это ей сойдет с рук.

Минуту спустя он обнаружил засунутый за ремешок седла листок бумаги, на котором было написано: «Лорд Чилтон! Простите за то, что взяла вашу лошадь, но очень не хочется, чтобы мистер Ффолкс догнал меня, иначе на этот раз придется его пристрелить. Клянусь, что верну вашего коня. Как только доберусь до места, немедленно начну расспрашивать о Гунбелле. Ваша покорная служанка Кэролайн Деруэнт-Джонс».

Не прошло и пяти минут, как Норт был уже на пути в Корнуолл. Придется забыть о делах, переговорах с поверенным, свиданиях с очаровательной любовницей Джудит, актрисой, не способной оставаться верной ни ему, ни любому другому мужчине, даже если от этого зависела бы необходимость запоминать строчки роли.

Норт вздохнул. Хотя Джудит не отличалась сообразительностью, зато без умолку весело болтала. Он вспомнил, как однажды, именно в момент, когда он забылся, охваченный экстазом, она прочирикала:

– Как бы я хотела сыграть Дездемону, милорд! Представляете, я в парике, с золотистыми локонами, и Яго предаст меня, а красавец мавр задушит и потом пожалеет так горько, что осторожно положит на подушки и покончит с собой от горя, и...

Тогда Норт застонал, едва сдерживая желание самому сдавить ее белую шейку, но теперь, вспоминая об этом, едва не рассмеялся. Правда, Джудит так искусна в любви, что можно простить ей глупость и раздражающую болтовню... зато как она ласкает его, целует... Проклятие, вместо этого приходится гнаться за наглой девчонкой, укравшей его коня! Тритопа никогда не ходил под дамским седлом. Оставалось надеяться, что Норт не обнаружит беглянку где-нибудь в канаве со сломанной шеей.

Он вообще не нашел Кэролайн. Должно быть, она превосходная наездница, поскольку с Тритопом не так-то легко справиться даже хозяину. Что же говорить о ней! О чужом человеке! Женщине, имевшей дерзость затянуть подпругу дамского седла на этом могучем скакуне! В отличие от мисс Деруэнт-Джонс Норту не приходилось скрываться днем, но где бы она ни пряталась, выбор ее отнюдь нельзя было назвать глупым или поспешным. Он знал, что днем девушка отсыпается, а путешествует по ночам, и поэтому проехал без остановки через Эксетер до Бови Трейси, отдохнул несколько часов в кленовой рощице и помчался в Лискерд, где остановился на постоялом дворе «Нейкид гуз» и проспал целых шесть часов. На рассвете он снова отправился в путь. Погода, благодарение небесам, была хоть и пасмурной, но дождя не было, и Норт без всяких задержек продвигался к цели своего путешествия. Правда, он ехал на лошади, которую во всякое другое время с презрением отверг бы, но теперь обнаружил, что кобыла оказалась выносливой и сильной. Нет, честное слово, хотя Норт даже не знал ее клички, лошадка все больше ему нравилась. Милорду даже не пришло в голову продать ее, оставить на постоялом дворе и нанять другую лошадь. К концу первого долгого дня, приближаясь к окрестностям Лискерда, Норт назвал кобылу Реджиной¹⁴, посчитав ее вполне достойной такого имени.

– Это всего лишь временная кличка, – сказал он ей, поглаживая по толстой шее, – пока мы не отыщем твою проклятую хозяйку. Если она выживет после встречи со мной, что ж, можешь вернуться к ней и своему прежнему имени.

Когда на следующее утро Норт вышел с постоялого двора, то сразу понял, что Реджина признала его, потому что лошадка подняла голову и, кивая, тихо заржала, а когда он взял под уздцы, кобыла потерлась головой о его руку.

– Ты настоящая соблазнительница, верно, Реджи? Съешь-ка морковку, старушка, и отправимся в путь. – Он погладил лошадку по мягкому носу, покормил лакомствами и был готов поклясться, что она ему улыбается. А потом вскочил в седло, и они поскакали до самого Сент-Эгнес-Хед. Норт не переставал спрашивать себя, что сделает, когда снова встретит Кэролайн Деруэнт-Джонс. Свидание будет не слишком приятным. Что с ней станет, когда он скажет, что ее тетя убита неизвестно кем? И что предпримет, когда снова появится мистер Фолкс, чтобы увести Кэролайн?

Норт вздохнул. Он не желал больше иметь ничего общего с этой девушкой, такой храброй, такой независимой и такой невинной... Да, но Норт никак не мог забыть тонкое остро-

¹⁴ Королева (лат.).

умие и жизнерадостный юмор, заставившие его смеяться по меньшей мере дважды и вступить в веселую беседу легко, непринужденно и без малейшей тени неловкости. Он чувствовал себя так, словно очутился в Чейз-Парк, доме Уиндхемов – именно такой покой и умиротворенность и симпатию к посторонним людям он чувствовал в присутствии Маркуса, его жены, гордо носившей прозвище Дачесс¹⁵, оказавшихся лучшими друзьями, которые были у Норта за всю его жизнь.

Но нет, он покинул Йоркшир, считая, что пришло время вернуться в Корнуолл, оказаться лицом к лицу с демонами, ожидавшими его, и приехал на родину, чтобы наконец вступить в права наследства, потому что пятнадцать месяцев назад после безвременной смерти отца он стал виконтом Чилтоном. И больше всего на свете Норт хотел пребывать в одиночестве. Лучше, если рядом никого не будет. У Норта есть собаки, лошади, дом, пустой и огромный, если не считать нескольких слуг, живших там всю свою жизнь и, казалось, не знавших никого и ничего, кроме дома Найтингейлов.

Нет, он больше не желал иметь дело с мисс Деруэнт-Джонс! Одной встречи вполне достаточно. Норту не хочется восхищаться ее очаровательными ушками или изящно изогнутыми бровями, которые он так нежно поглаживал кончиками пальцев каждый раз, когда будил по утрам, или ее длинной, грациозной шеей... разве что выпадет случай как следует ее стиснуть.

Но самое главное: пусть кто-нибудь другой расскажет Кэролайн о гибели тети, о том, что Элинор убили, ударили ножом в спину и сбросили с отвесной скалы на узкий карниз.

Норт сразу направился в свое поместье Маунт-Хок, в древний огромный дом, возвышавшийся величественно и мрачно на невысоком холме над деревней с тем же названием. Владелец имения считался защитником всех жителей этой деревни с тех пор, как король Генрих Восьмой велел отрубить прелестную головку Кэтрин Ховард. И действительно, в летописях указывалось, что именно в день казни здесь были навешены огромные парадные двери.

Норт ненавидел этот проклятый мавзолей, скорее похожий на огромный квадратный замок с четырьмя ни на что не годными башнями по углам, широкими, продуваемыми сквозняком лестницами и коридорами, каменными полами, на которых эхом отдавались шаги, словно по ним маршировала целая армия, и холодными, как сам дьявол, так что предки Норта еще в прошлом веке вынуждены были закрыть их толстыми турецкими коврами.

Замок был выстроен из светло-серого камня, добытого поблизости отсюда, на каменоломнях в Болду, и все еще очень красивого, если быть объективным, чего Норту всегда не хватало. И эта куча булыжника принадлежала ему? И он должен беречь ее, поскольку она переходила от отца к сыну вот уже почти три с половиной века, ведь род Чилтонов ни разу не прерывался по мужской линии!

Да, Норт с готовностью признавал, что замок был впечатляющим, но от него веяло чем-то зловещим, холодным, тяжелым, и длинная ледяная тень накрывала лепившуюся к нему деревушку и окружающие холмы ниже того, на котором возвышался замок.

Уже почти стемнело, когда Норт оказался на широкой подъездной аллее, делавшей бесчисленное количество изгибов и поворотов, чтобы подъем к большим черным железным воротам не казался слишком крутым.

Норту казалось, что раньше дом выглядел неуклюжим шлемом, сидевшим на голой макушке холма, – величественным и одиноким.

Том О'Лэдди, привратник Найтингейлов, прослуживший в этой почетной должности дольше, чем помнил себя Норт, приветствовал хозяина широченной улыбкой, не скрывавшей прискорбного отсутствия передних зубов, – результата выигранного давным-давно поединка. Вздохнув, он сделал вид, что валится на пол в глубоком обмороке. Том О'Лэдди слыл вели-

¹⁵ Герцогиня (англ.).

ким шутником и заядлым пьяницей, который к тому же был не прочь подраться из-за любого пустяка.

– Ого, милорд, вот вы и дома! Смотрю, вы не задержались в Лондоне! Поганое место, этот Лондон! Мистер Кум и мистер Треджигл поджидали вас только недельки через две!

– Добрый вечер, Том. Да, вижу, хочешь спросить, куда девался Тритоп, но эта милая старушка Реджи тоже совсем неплоха, полна неожиданных сюрпризов, и, кроме того, сердце у нее просто золотое. Как твой племянник?

– Все еще порядком слаб, милорд, но мистер Полгрейн каждый день посылает парнишке свой особый бульон, так что тот наверняка скоро оживет.

– Превосходно. Скажи ему, чтобы в следующий раз не переворачивал лодку, поскольку, может статься, некому будет прийти на помощь, и тогда уж он точно утонет.

– Да, милорд, но урок пошел мальчишке на пользу. По правде говоря, это та маленькая пичужка, дочь кузнеца, столкнула его в воду. Похоже, он за ней ухлестывал, а той не по вкусу пришлось.

Норт попытался что-то рассерженно проворчать, но вместо этого невольно улыбнулся. Он проехал через огромные ворота; дорога по-прежнему шла вверх, а подъездная аллея становилась все шире, по мере того как он приближался к чудовищному сооружению, в течение трех веков постепенно становившемуся из неприступной крепости жилищем Найтингейлов. Подвесной мостик, считавшийся в просвещенном шестнадцатом веке совершенно излишней роскошью, однако спас Маунт-Хок от Оливера Кромвеля и его Круглоголовых¹⁶ во время кровавой гражданской войны, последовавшей столетие спустя. С тех пор прошло много лет, глубокий ров был засыпан, на его месте посажен фруктовый сад, где яблони гнулись под тяжестью плодов. И только сейчас Норт подумал о том, что именно за эту красоту стоит сражаться и умереть. Он подъехал к великолепной конюшне Маунт-Хок, длинному кирпичному зданию с просторными стойлами, кладовыми, где хранилась упряжь, помещениями для конюхов и ларями для сена, – словом, всем, что только могло понадобиться одержимому лошадьми прапрадеду.

Норт спешился, махнул Па-Ду и подождал, пока дряхлый старик подойдет, чтобы взять кобылу за поводья. Хозяин немного поболтал с Па-Ду, изумленно наблюдая за конюхом. Просто трудно поверить, что эти скрюченные ревматизмом пальцы с такой ловкостью управляют с упряжью и седлами. Завтра он отправится в Гунбелл. И Норт, уже взявшись за огромный медный дверной молоток, неожиданно поймал себя на том, что широко улыбается. Господи милостивый! Что, если вместо Маунт-Хок – название, звучавшее поистине великолепно, – пришлось бы жить в Маунт-Гунбелл, мрачной твердыней нависавшем над деревней Гунбелл? Норт хмыкнул, и Кум, служивший дворецким еще при его отце, распахнув дверь, весьма удивился при виде смеющегося хозяина. Норт оглядел потрясенного Кума и, поняв причину его изумления, пояснил:

– Я только сейчас сообразил, как нелепо звучало бы название Маунт-Гунбелл вместо Маунт-Хок. Одновременно и забавляет, и ужасает.

Кум задумчиво нахмурился и, покачав головой, заключил:

– По-моему, смех – слишком сильная реакция на столь неприятную мысль, милорд.

Норт, согласившись, улыбнулся.

– Вот это гораздо лучше, – кивнул Кум. – Добро пожаловать домой, милорд, хотя представить не могу, почему вы приехали на две недели раньше, чем ожидалось.

Кэролайн еще не появлялась в Гунбелле, хотя Норт был уверен, что девушка непременно придет туда, по крайней мере чтобы узнать, как добраться до Скриледжи-Холл. Норт рас-

¹⁶ Прозвище пуритан, под предводительством Оливера Кромвеля свергнувших в XVII веке короля Карла I.

спрашивал рыбаков, знавших все и обо всех, и хозяйку постоянного двора, миссис Фрили, до которой было далеко любому рыбаку. Никто ничего не слышал о его беглянке.

Норт снова вскочил на Реджи. Всего полчаса ушло на то, чтобы оказаться у ворот Скриледжи-Холл, недалеко от Тривеллеса, всего в полумиле от моря. В старом особняке из красного кирпича, очаровательно смотревшиеся среди цветущих бугенвиллей, роз и жасмина, жили трое слуг. Дом был действительно красив, и теперь, как предполагал Норт, перешел к мисс Деруэнт-Джонс, хотя и не был уверен в этом. Зато твердо знал, что она обязательно вернется сюда.

Норта приветствовал доктор Бенджамен Трит, показывавший комнаты незнакомому джентльмену.

– А, мальчик мой, заходите. Что привело вас сюда?

Норт вместо ответа кивнул, пока не желая говорить об истинной причине.

– Это мистер Броган, поверенный, приехавший сделать опись всех владений сквайра Пенроуза, с тем чтобы приступить к выполнению условий его завещания.

– Понятно, – кивнул Норт. – Когда ожидаете прибытия мисс Деруэнт-Джонс, мистер Броган?

Удивление поверенного выразилось лишь в том, что он быстро замигал большими карими глазами. Но мистер Броган тут же взял себя в руки и, глядя куда-то за плечи Норта, ответил:

– Не знал, милорд, что вы так близко знакомы с родственниками сквайра. Действительно, мисс Деруэнт-Джонс – единственная оставшаяся в живых родственница сквайра Пенроуза и, если не считать мистера Беннета Пенроуза, имеющая права на наследство. Мистер Беннет Пенроуз за последние пять лет часто бывал в здешних местах. Конечно, я ничего больше не могу сказать, пока не прочту завещания обоим вышеупомянутым персонам.

– Похвально, – кивнул Норт и обратился к доктору Триту: – Надеюсь, с вами все в порядке, сэр?

– Да, но на душе тяжело. Очень тяжело, Норт. С тех пор как вы отправились в Лондон, ничего не прояснилось. Однако вы пробыли там не очень долго.

– Да, вы правы. Кстати, мистер Броган, вы уже успели написать мисс Деруэнт-Джонс?

И снова поверенный постарался не выдать удивления.

– Да, несколько недель назад. Не понимаю, почему от нее до сих пор нет ответа, но скорее всего она должна вот-вот приехать. Если же к концу недели мисс Деруэнт-Джонс не появится, придется написать еще раз. Почта в наше время так ненадежна!

– Совершенно с вами согласен.

– Вы знакомы с этой дамой, милорд?

– Да, – кивнул Норт.

– Но каким образом вы успели познакомиться? Ничего не понимаю, милорд.

– Это довольно длинная история, Броган. Почему бы нам не подождать мисс Деруэнт-Джонс?

Миссис Трибо, экономка, подала им в гостиную чай с пирожными. Приятная беседа продолжалась не слишком долго, и Норт уже несколько минут спустя откланялся, не дожидаясь, пока доктор Трит или мистер Броган начнут допытываться, где, черт возьми, он встретился с мисс Деруэнт-Джонс, почему заявился сюда и какого дьявола ему здесь нужно. Похоже, что мисс Деруэнт-Джонс встретят не только доктор, но и поверенный. Так что ему нет необходимости оставаться и объяснять девушке, что какой-то безумец убил ее тетю. Норт безуспешно пытался убедить себя в этом.

Мисс Деруэнт-Джонс приехала, но не в Скриледжи-Холл. На следующий вечер, ровно в десять часов, Кум слегка постучал в дверь библиотеки, вошел, откашлялся и поглядел на

оставшуюся в тени каминную доску, где стояли очень старые часы, сделанные в Гамбурге, которые как раз тихо пробili последний из десяти ударов.

– Что случилось, Кум?

– Милорд, все это сложно и непонятно, и мы к подобному не привыкли. Юная леди, неизвестно откуда возникшая, пожелала увидеться с вами. Кроме того, что сейчас ужасно поздно, выглядит она... скажем, не совсем так, как подобает даме из приличной семьи, и я уже был готов сказать ей, чтобы шла торговать своими прелестями где-нибудь в другом месте, но тут она выхватила пистолет, ткнула мне его под нос и потребовала немедленной встречи с вами.

Глава 7

Норт, молниеносно сорвавшись с места, слегка оттолкнул потрясенного дворецкого и вылетел в длинный узкий холл. Кэролайн стояла у входной двери с низко опущенной головой и устало опущенными плечами. На полу валялся единственный саквояж. На ней по-прежнему был безнадежно помятый и грязный, с откинутым капюшоном плащ. Толстые, нетуго заплетенные косы обвивали голову девушки; выбившиеся из прически локоны крупными волнами обрамляли шею и лицо. В правой руке она держала пистолет, которым привела в такой ужас дворецкого.

– Мисс Деруэнт-Джонс! – приветствовал Норт. – Боже, мне жаль, так ужасно жаль.

Неожиданно для самого себя Норт в горячем душевном порыве протянул к ней руки, и Кэролайн, уронив пистолет, бросилась ему на шею. На несколько мгновений она застыла, как льдинка, твердыми кулачками упираясь Норту в грудь.

И вдруг девушка заплакала, громко, задыхаясь, прерывисто всхлипывая. Она казалась совершенно беспомощной и обессиленной – ее воля, храбрость и стойкость были побеждены потрясением и скорбью. Руки Норта обвились вокруг плеч девушки; он привлек ее к себе, погладил по волосам, пытаясь успокоить, утешить, шепча какую-то чепуху, укачивая, как малого ребенка. Наконец Кэролайн подняла голову и чуть отстранилась.

– Вы знали? – прошептала она. – Знали и ничего не сказали мне.

– Нет, случая не представилось. Вы слишком поспешно уехали.

– Она мертва, лорд Чилтон. Нет, не просто мертва, кто-то ее убил. Я не могу...

Норт слегка дотронулся кончиками пальцев до ее губ.

– Т-с-с, вы просто устали. Заходите в библиотеку, согрейтесь. Немного бренди и горячий ужин восстановят ваши силы.

За спиной раздался голос Кума, столь же неодобрительный, как и у отца Норта, как раз перед тем, как... нет, не стоит думать об этом!

– Я принесу закуски, милорд, хотя сомневаюсь, чтобы мистер Полгрейн что-то оставил на кухне.

– Спасибо, Кум. Принесите все, что найдете. Ну а теперь, мисс Деруэнт-Джонс, прошу, пойдете со мной.

Он молча наблюдал, как девушка снимает плащ, медленно и аккуратно складывает его, пытаясь взять себя в руки. Кэролайн, повесив плащ на спинку кресла, вздохнула и, не глядя на Норта, несколько раз пригладила складки, видимо, сама не сознавая, что делает. Она подошла к камину, подбросила полено, поворошила дрова и протянула руки к огню. Слишком молчаливая, слишком спокойная. Совершенно не похожа на ту девушку, какой увидел ее Норт впервые: сидящей на коленях Мэки, само воплощение волшебства и радости, опрокидывающей в рот кружку с элем и сразу закашлявшейся.

Норт тихо прикрыл дверь библиотеки, он был растерян и не знал, что сказать. Кэролайн убежала от опекуна и примчалась к тете Элли, надеясь найти здесь защиту и помощь, а не трагедию, превосходившую всякое воображение. Норт так и не произнес ни слова, не сводя глаз с девушки, стоявшей перед камином. В этот момент вошел Кум с единственным подносом, на котором стоял старый серебряный чайник с большим количеством вмятин на боках, чем оспин, уродовавших все еще красивое лицо майора Денни из Двенадцатого пехотного линкольнширского полка. Чашки и блюда, старые и выщербленные, вот уже пятьдесят лет назад должны были быть розданы беднякам. Что же касается еды... на тарелке красовались два кусочка хлеба, тронутые плесенью по краям, чашка прокисших топлёных корнуоллских сливок и единственная ячменная булочка, выглядевшая так, что ее смело можно было употребить вместо пушечного ядра.

Норт, окинув Кума жестким взглядом, на что тот, отведя глаза, лишь беспомощно пожал плечами, с огромным трудом сдержался.

Не хватало еще, чтобы гостя слышала, как хозяин кричит на дворецкого. Норт налил ей и себе чаю, злясь, что не может предложить лимон, молоко или сахар, поскольку на подносе ничего этого не было.

– Спасибо, – шепнула Кэролайн и сделала глоток, но тут же, поперхнувшись, закашлялась и поспешно прижала к губам салфетку:

– О Господи, простите, пожалуйста, это все чай... то есть, он ужасно горький и...

Норт осторожно отпил глоток, и ему показалось, что язык сейчас отвалится. Чай оказался крепче штормового ветра, дующего с Ирландского моря, и еще хуже, чем затхлая вода на кораблях его величества. Да уж, нечего сказать, горький!

– Извините, – произнес он, отнимая у Кэролайн чашку. – Отдохните немного. Я принесу вам что-нибудь другое.

Ему хотелось помчаться в кухню, выстроить всех слуг в ряд лицом к стене и что было силы лягнуть каждого в задницу, но решил, что пока не стоит оставлять Кэролайн одну. Девушка выглядела бледной, растерянной и совершенно измученной. Норт подошел к буфету и налил ей бренди:

– Вот это согреет вас гораздо лучше, чем то зелье, которое повар называет чаем.

Кэролайн медленно отпила маленький глоточек. Очевидно, опыт с элем Мэкки кое-чему ее научил. Норт наблюдал, как краски постепенно возвращаются на ее лицо.

– Хорошо. Не так крепко, как тот эль, которым столь любезно угостил меня Мэкки. Да и куда менее неприятно, чем этот чай. Никогда не пила бренди раньше.

– Думайте о нем как о лекарстве, – посоветовал Норт. – Не хотите попробовать булочку?

Девушка с сомнением оглядела странную штуку на подносе, посмотрела на Норта с недоумением, вызвавшим в нем еще большее желание врезать по каждой вышеупомянутой заднице куда сильнее, чем пять минут назад, и медленно покачала головой:

– Нет, я не голодна, благодарю вас.

Норт, глядя на пляшущий огонь в камине, наконец заговорил о главном:

– Я хотел быть именно тем, кто сообщит вам о случившемся, но не имел ни малейшего представления, когда вы приедете и куда отправитесь сначала. Даже поехал в Скриледжи-Холл, а там оказался ваш поверенный, мистер Брган, и я посчитал себя лишним в этом доме. Мне так жаль вашу тетю! Я очень любил Элинор Пенроуз. Она приехала сюда, когда мне было лет десять, и сразу завоевала симпатии всех соседей.

– Как оказалось, не всех.

Слезы снова засверкали на глазах девушки, но Норт, ничего не ответил, даже не шевельнулся, боясь расстроить ее еще больше.

– Миссис Фрили, та, что на постоялом дворе в Гунбелле, сказала, что именно вы нашли тетю Элли.

– Да. Послушайте, мисс Деруэнт-Джонс, вы очень устали. И сейчас слишком поздно, чтобы возвращаться в Скриледжи-Холл. Вы переночуете здесь, а завтра я вас туда провожу.

К его удовлетворению, Кэролайн чуть криво улыбнулась:

– А можно вместо завтрака выпить еще бренди?

Норт улыбнулся, чувствуя себя довольно неловко.

– За завтраком чай будет великолепным, даю вам слово. Придется немного поболтать с поваром насчет рецептов и всего такого.

– Я думала, ваш дворецкий захлопнет дверь у меня перед носом. Простите, что угрожала ему пистолетом, но я просто не знала, что делать.

– Он заслужил это. И переживет потрясение. Что же касается его поведения... могу сказать только, что в Маунт-Хок не ступала нога женщины с самых незапамятных времен. По-видимому, и Кум, и повар просто не ведают, что творят.

– Очевидно, они не желают меня здесь видеть.

– Мистер Полгрейн? Вероятно.

И, заметив, что девушку шатает, поднялся:

– Прошу извинить меня, мисс Деруэнт-Джонс. Сейчас приду, только велю Триджиглу приготовить вам спальню.

– Еще один мужчина?

– Да, Огюст Триджигл. Как я сказал, здесь очень давно не было женщин. Холостяцкая обитель.

– О простите, должно быть, вам очень трудно приходится.

– Совсем нет, – заверил Норт коротко, но тут же улыбнулся, чтобы смягчить резкость.

И заметил, как эта улыбка против воли растягивает его губы. Легко, слишком легко... Подумать только! Она жалеет его, потому что в коридорах не топчутся женщины, то и дело нюхающие воздух из страха, что неприятный запах оскорбит их нежные ноздри; женщины, в огорчении ахающие над крошечной дырочкой в простынях; женщины, беспрестанно ноющие из-за невычищенных каминов... а он, лорд Чилтон, ничего лучшего не может придумать, кроме как широко улыбаться.

Норту хотелось объяснить, как он благодарен Господу за избавление его от всего этого. Может, это и неплохо для других мужчин, вроде его лучшего друга, Маркуса Уиндема. Но Чилтон благоразумно молчал, только заметил, что снова улыбается ей, хотя девушка уже засыпала, так и не увидев столь редкого, во всяком случае для него, явления.

Норт оставил Кэролайн дремлющей в кресле, придвинутом к пылающему в камине огню, и отправился на поиски Триджигла. Он надеялся, что Триджигл, мужчина с более пышной копной выющихся белых волос, чем должно быть у человека его возраста, и красивым лицом, за обладание которым каждый его собрат готов был пойти на убийство, не успел еще свалиться под кухонный стол после огромного количества гунбеллского эля, которое обычно поглощал на ночь, и что тот еще сумеет увидеть разницу между чистыми простынями и ночным горшком.

Оказалось, Триджигл вовсе не собирался пить эль, напротив, был поглощен дружеской беседой с Кумом и Полгрейном, стоявшими около деревянного разделочного стола. Триджигл казался высоким, стройным и подтянутым, как молодой человек. Норт долго стоял в дверях, наблюдая за приятелями, знавшими его с пятилетнего возраста, и, выждав некоторое время, громко откашлялся, едва сдерживая рвущиеся с языка проклятия.

– А, милорд! – приветствовал его Кум голосом елейным, как у разносчика, только что продавшего лысому средства для ухода за волосами, и поспешил к хозяину, успев вытереть на ходу руки о передник Полгрейна.

– Вы, надеюсь, всем довольны?

– Отнюдь не всем, как вам отлично известно. Однако поговорим о вашем гнусном поведении завтра. Триджигл, мне нужна спальня для гостей.

– Но, милорд, у нас нет свободной спальни!

– Не будь ослом, Кум! Этот дом больше, чем вся деревня! Будь проклята твоя толстая шкура, да здесь не меньше двух дюжин спален!

– Все это прекрасно, милорд, – вмешался Триджигл, величественно выпрямившись во весь рост, чем явно намеревался устроить всякого, кто осмелится приблизиться, хотя на Норта это не произвело ни малейшего впечатления, – но мистер Кум совершенно прав. Мы накормили Юную Особу. Мы оказали ей всяческую помощь и поддержку. Но оставить ее здесь? Неслыханно, милорд, невозможно! Это жилище джентльменов. Наша репутация будет...

– Наша репутация?! Что за идиотская чушь? Нет, немедленно замолчите и слушайте меня! Она племянница миссис Элинора и только что узнала, что ее тетю убили.

– О Господи! – охнул мистер Кум. – Она мне ничего не сказала, просто целилась из пистолета, и вид у нее при этом был самый злобный. Я и подумал, что она не в себе.

– Жаль, конечно, – покачал головой Триджигл, – подобной новости достаточно, чтобы вызвать истерику у любой женщины, что, как я понимаю, гораздо чаще встречается у представительниц ее пола, чем мы даже можем представить.

– Но она, несомненно, будет счастливее чувствовать себя в Скриледжи-Холл, – вставил Полгрейн. – Там полно женщин, которые присмотрят за ней и утешат. Кроме того, я слышал, что там превосходно кормят.

– Во всяком случае, лучше, чем твой ужин, – рассерженно бросил Норт. – Иисусе, Полгрейн, да брось я в тебя этой булочкой, наверняка убил бы! Тверже, чем чертов камень! Ну хватит об этом, иначе я поверю, что вы не кто иные, как гнусное трио высохших старых женоненавистников. Не важно, что я уже давно знаю это, но все равно, поймите же, мисс Деруэнт-Джонс очень молода и никого, кроме меня, не знает здесь. Она устала и нуждается в отдыхе. Слишком поздно везти ее в Скриледжи-Холл. Так что готовь спальню, Триджигл, и не смей больше ворчать!

– Конечно, милорд, – невозмутимо согласился Триджигл. – Думаю, можно поместить ее в Осенней комнате.

– Там слишком темно и сыро, – возразил Норт, обрадованный, что помнит эту спальню. – Она наверняка подхватит горячку, если проведет там ночь. Кроме того, комнату нужно проветрить.

Трое стариков переглянулись. Наконец Кум медленно сказал:

– Если она заболит, значит, очень долго пробудет здесь.

– Вот именно, – кивнул Норт. – Если вы поместите ее в плохо проветренную, холодную спальню, девушка наверняка простудится. Тогда ей придется прожить здесь не одну неделю!

– Весьма уместное замечание, милорд, – согласился Кум, деликатно откашлявшись. – Думаю, Розовая овальная комната лучше всего. В конце концов она женщина, а все знают, что розовое наиболее подходит для совершенно непонятного темперамента, присущего их полу.

– Да, это подойдет, – поразмыслив, заключил мистер Триджигл. – Вчера окна были открыты весь день, поскольку Тимми, наша новая горничная, убирал там, для практики, как вы понимаете, милорд, а дождя не было. Да, это то, что нужно, Кум.

Норт только покачал головой. Он все еще был благодарен старикам за то, что тепло встретили его, – ведь после смерти его отца Маунт-Хок фактически принадлежал им. Интересно, неужели, будь Норт женщиной, они захлопнули бы дверь перед его носом? Да, вполне вероятно, если учесть их поведение с мисс Деруэнт-Джонс. Хорошо еще, что она собирается утром уезжать, иначе эта троица могла бы попросту ее отравить.

Норт кивнул, чувствуя на себе взгляды Кума и Триджигла, явно ожидавших одобрения, что казалось совершенно глупым, поскольку оба всю жизнь делали, что хотели, и сказал:

– Розовая овальная комната очень мила, или по крайней мере неплохо бы, чтобы такой и оказалась.

Кэролайн крепко спала, когда Норт отнес ее наверх, в прелестную угловую комнату, окна которой выходили в яблоневый сад, посаженный более полувека назад. У него просто слюнки текли при мысли о сочных яблоках, запасов которых хватало жителям деревни почти на всю зиму. Сад украшал почти весь склон холма, до самой нитки ручья, выходящего по трем акрам земли Маунт-Хок.

Комната когда-то принадлежала женщине, неизвестной Норту. Он не знал, кто обставил ее в светло-розовых и кремовых тонах. Вероятно, женщины жили здесь по несколько месяцев

в году – ведь рожал же кто-то наследников Маунт-Хок по мужской линии! Но сам Норт жил здесь с дедом и отцом, а не с матерью. Посещала ли она когда-нибудь имение?

Норт покачал головой, прогоняя грустные воспоминания и вызванную ими мимолетную боль. Нет, в этом веке ни одна женщина не жила в Маунт-Хок! Мебель казалась старой и ветхой, но была чистой и натертой лимонным воском, запах которого витал в воздухе. И хотя Норт ненавидел этот каменный мавзолей, ему нравилось, что слуги так заботились о доме. Да, Тимми, новая горничная, вполне прилежен и трудолюбив. Холостяцкое хозяйство не такая уж плохая вещь, пока мужчин не принуждают выказывать уважение первой попавшейся женщине.

Норт снял только ее обшарпанные башмаки со сбитыми каблуками. На левой пятке в чулке зияла дыра. Натертая кожа покраснела, и вид ее Норту вовсе не понравился. Прикрыв девушку одеялом, он задул единственную свечу. Кум ожидал его за дверью:

– С юной леди все в порядке, милорд?

– Она спит. Посмотрим, как будет чувствовать себя завтра.

– Э-э-э... надеюсь, в ее глазах Маунт-Хок выглядит как подобает?

– Да, горничная Тимми прекрасно справился. Кстати, Кум, надеюсь, ты проследишь, чтобы завтрак, сервированный Полгрейном, был великолепен, выберешь тарелки и чашки без единой трещины и безукоризненно чистые. Стол накроете белоснежной скатертью. И пожалуйста, льняные салфетки. Надеюсь, ты меня понял?

– Да, милорд. Несомненно. Мы вовсе не так уж глупы. И поскольку она уезжает сразу же после завтрака, мы решили, что наша обязанность позаботиться о том, чтобы молодая леди плотно поела перед путешествием в родной дом.

«И где, – задался вопросом Норт, – ее родной дом? И когда появится мистер Ффолкс, а он, без сомнения, появится и притащит за собой несчастного Оуэна? Поскольку она так молода, мой долг позаботиться о том, чтобы защитить Кэролайн от бывшего опекуна». Но как сделать это, Норт не имел ни малейшего представления. Нахмурившись, он тихо прикрыл дверь...

– Вам понадобятся мои услуги, милорд? – осведомился Кум.

– О нет. Просто она... нет, ничего важного. Доброй ночи, Кум.

– Доброй ночи, милорд. Надеюсь, мы это переживем.

– Переживем что? Кратковременный визит одинокой женщины?

– Вы забываете, что она была вооружена, милорд.

– Идите спать, Кум.

– Но от нее всего можно ожидать, милорд! Она была вполне способна выстрелить в меня.

– И ты этого вполне заслуживал. Иди в постель.

– Да, милорд.

Когда Норт среди ночи пробудился от ужасного вопля, на мгновение ему показалось, что он вновь сражается при Тулузе в окружении вражеских пушек, плюющих смертью, и французских солдат, не щадивших никого, даже себя: ведь им ничего не оставалось, кроме как умереть со славой... Какая бессмыслица погибать – с воплем, сжимая руками вспоротый живот, из которого вываливаются внутренности, – за Наполеона, заслужившего место в истории, но готового пожертвовать сотнями жизней ради своего обреченного дела. В ушах все еще отдавались крики французов: «La gloire! La gloire!»¹⁷ Даже когда их товарищи падали, французы переступали через мертвые тела и продолжали наступать с теми же оглушительными криками.

Норт молниеносно сел в постели, совершенно не понимая, где находится. Снова послышался вопль, потом еще один. Нет, это кричит женщина, не мужчина, не солдат. Женщина? Здесь? В Маунт-Хок? Хорошенько потряхнув головой, он попытался прийти в себя. Ах да, девушка, взявшая бедного Оуэна в заложники и укравшая коня Норта, девушка, которая внезапно появилась на его пороге, испуганная, в слезах, измученная, а он напоил ее чаем, который

¹⁷ Слава! Слава!

мог и быка с ног свалить, и предложил булочку, уж точно прикончившую бы ее, если бы чай не сделал свое черное дело. Норт вылетел из спальни, натягивая на ходу халат.

Глава 8

Он повернул ручку, со стуком распахнул дверь и ворвался в темную комнату.

– Мисс Деруэнт-Джонс! Кэролайн!

Он услышал ее прерывистое дыхание и, не задумываясь, метнулся к постели. Через дальнее окно проникал слабый лунный свет, неясное серебристое сияние, достаточное, однако, чтобы разглядеть сидевшую на постели девушку. Она смотрела вперед, прямо на лакированный розовый гардероб, стоявший напротив кровати под пологом.

– Какого дьявола тут происходит? У вас кошмар?

Он схватил девушку, не понимая, почему делает это и так ли уж это необходимо. Кэролайн застыла, явно напуганная, задыхаясь так, словно бежала всю дорогу от деревни Маунт-Хок к замку. Норт прижал ее к себе, глядя по спине, ощущая гладкую мягкость кожи под одеждой. Кэролайн прижалась к нему, обхватив за шею, и тихо прошептала, уткнувшись в его плечо:

– Как я рада, что вы ворвались сюда. Там, за гардеробом, кто-то прячется.

– Что?!

Его губы коснулись ее шеи. Кэролайн снова прошептала:

– За гардеробом кто-то стоит. По-моему, мужчина. Я проснулась, а он у кровати, усталый на меня и так тяжело дышит. Я закричала, а он вроде охнул, зашипел, как змея, готовая напасть, и забежал туда.

Норт мягко отстранил ее и тихо сказал:

– Сидите и не двигайтесь.

Он медленно поднялся, огляделся, ожидая пока глаза привыкнут к полумраку, и посмотрел на гардероб. Ничего. Ни малейшего движения. Никаких странных теней. Но между гардеробом и стеной – пространство, где можно скрыться. Мужчина? В ее комнате? Это казалось невозможным, но тем не менее Норт подошел к проклятому гардеробу, схватился за ручки и с силой потянул. Гардероб наклонился. Норт выпустил ручки, и гардероб встал на место. Вопль. Мужской вопль.

– Выходи, мерзавец! Выходи, черт бы тебя взял!

Из укрытия выполз не мужчина. Это оказался Тимми, горничная, двенадцати лет, с отчаянно-рыжими волосами и кожей, на которой не было просвета от веснушек. Но сейчас он выглядел перепуганным насмерть: мальчик испугался, что тяжелый гардероб придавит его. Норт отступил на шаг, скрестил руки на груди и строго оглядел горничную.

– Могу я спросить, почему ты оказался здесь, в спальне леди, среди ночи?

– Я только убрал спальню, милорд.

– Похвально. Но все-таки почему ты здесь?

Горничная Тимми ошеломленно озирался в поисках помощи. Но все напрасно, никто не появлялся. Опустив глаза, он пробормотал:

– Та девчонка на постели, милорд, у меня чуть уши не полопались от ее визга.

Для большей наглядности он даже повертел пальцем в ухе.

– Я сам чуть было не отдал Богу душу, никогда не слыхал такого визга! Я, кажется, задал тебе вопрос, Тимми. Кроме того, если она и кричала, то лишь потому, что едва ума не лишилась от твоих штук!

Мальчик взглянул на его милость и понял, что кара неотвратима. Он ничего не сказал, покорно ожидая наказания, которое, несомненно, последует за столь ужасный проступок. Разве Тимми не слышал о его отце, старом безумце, который, не задумываясь, отлупил палкой по заднице Макбри только потому, что тот обронил что-то насчет погоды и темного облака, которое вечно обречено висеть над головой его милости?

– Я только хотел посмотреть, милорд, ничего больше! Просто слышал, что она даже красивее павлина с пышным хвостом.

– Господи, мальчик, да она всего-навсего девушка, женщина, как всякая другая, живущая по соседству. Какого дьявола тебя сюда принесло? И что ты имел в виду, черт возьми, когда заявил, что она похожа на павлина с пышным хвостом?

Из-за спины Норта послышался жалобный голос Кэролайн:

– Он стоял надо мной и держал свечу. Именно жар от свечи разбудил меня, а может, игра света и теней.

Тимми глубоко вздохнул и заглянул через плечо Норта, чтобы получше рассмотреть девушку.

– Иисусе, – почтительно выдохнул он, – я должен был увидеть ее, милорд. Такая красивая... совсем, как ангел, как принцесса, как... Нет, на хвост павлина совсем не похоже.

– Достаточно, – с отвращением поморщился Норт. – Она всего-навсего женщина, повторяю, и ничего в ней особенного нет. Да пойми же, ты насмерть перепугал этого ангела, процессу и павлиний хвост. И что, дьявол побери, я должен с тобой делать?

– Ангел, говоришь? – поинтересовалась Кэролайн, оттесняя Норта.

– Да, мисс. У вас волосы, как золотые нити, и такие гладкие и густые, просто шелк, и...

Девушка повернулась к Нарту.

– Я уверена, все не так уж плохо, милорд.

– Вы говорите это лишь потому, что он бесстыдно вам льстит. Ангел, ха! Поглядитесь в зеркало, Кэролайн, на кого вы похожи! Настоящий кошмар, волосы висят сосульками, на платье солома, и...

– Достаточно, Норт. Успокойтесь.

Она наклонилась к Тимми, у которого впервые с момента разоблачения в скошенных зеленых глазах засиял свет надежды.

– Скажи правду, Тимми, почему ты явился сюда?

Тимми поднял руки, ожидая хоть какой-то жалости от женщины, поскольку от милорда пощады ожидать не приходилось:

– Это все мистер Кум, мисс. Я слышал, как он рассказывал мистеру Триджиглу про ваш пистолет, вроде бы вы наставили дуло на него и едва не прикончили. Ружье моего па сломалось, а без него просто беда, особенно когда в силки не идет дичь. Мои братья и сестры голодают, им нужна еда.

– Собирался украсть мой пистолет?

Тимми кивнул.

– Понятно, – вздохнула Кэролайн и, пожав плечами, улыбнулась. – Прекрасно. Кажется, твоему па он гораздо нужнее, чем мне. Однако за мной гонится очень плохой человек. Он хочет жениться на мне, чтобы заполучить мои деньги. Возможно, придется застрелить его, чтобы спастись. Как только я с ним разделаюсь, обещаю, что отдам тебе пистолет. Хорошо, Тимми?

– Но почему милорд не позаботится о вас, мисс? Разве его милость не может отправить того парня в ад?

– Нет, Тимми, это мое дело. Но как только я все улажу, пистолет твой. По рукам, Тимми?

– О, мисс, вот здорово, мой па обязательно подивится на вашу красоту, и вашу щедрость, и...

– Закрой рот, Тимми, – перебил Норт. – Могу я спросить, почему ты не пришел ко мне?

– Мистер Кум не велит тревожить вас, милорд. Говорит, будто ваша милость любит быть один, и мистер Триджигл тоже сказал, что никто не смеет беспокоить джентльменов из рода Найтингейлов, такого просто не бывает. Мы все должны вас защищать, а это значит, что нужно всех приставал держать подальше от милорда, а пуще всего опасаться женщин.

– Меня уже побеспокоили. Вырвали из такого прекрасного сна, и...

– Довольно, милорд. Тимми извинился. Все в порядке.

– Иди спать, Тимми, – сдался Норт. – Завтра поговорим. Спокойной ночи.

Тимми торжественно кивнул Норту и залихватски улыбнулся Кэролайн. Норт ничего не сказал, пока мальчик не вышел из комнаты, и только потом, медленно повернувшись, взглянул на Кэролайн:

– Ваш вопль действительно насмерть меня напугал.

– Простите, я сама едва не поседела из-за Тимми. Ваши волосы взъерошены. Выглядит очень мило.

Пригладив волосы, Норт пожал плечами:

– Глупо. Просто глупо. Ну а теперь насчет вас. Оказывается, вы чертов ангел, драгоценная принцесса, от вашей красоты мелеют моря, вы павлин с пышным хвостом, короче говоря...

Кэролайн рассмеялась громко, весело и ущипнула его за руку.

– О, перестаньте, пока я не начала задыхаться. Господи, ну и суматоха! Простите, что разбудила вас, но я ничего не соображала от страха!

Поглядев на пол, она недоуменно пробормотала:

– Вы сняли мои башмаки.

– Да, но ничего больше, поскольку, как сами видите, вы не стоите здесь обнаженной, как статуя в одной из ниш восточного крыла. Тимми подобрался к вам ближе, чем я. В вашем чулке на левой ноге дыра, и вы натерли волдырь, лучше присыпать его чем-нибудь утром.

– Хорошо. Вы называли меня Кэролайн.

– Мисс Деруэнт-Джонс казалось чересчур пышным и длинным обращением, поскольку я ворвался, ничего не соображая, в вашу спальню, чтобы спасти вас от дракона, или вора, или этого отвратительного мистера Ффолкса.

– Все в порядке. Можете звать меня Кэролайн. Мне нравится, как вы произносите мое имя. Оно кажется таким таинственным и мрачным и на самом деле волнующим. Меня просто дрожь берет.

– Вы так думаете? Прекрасно. Возможно, для этого мы слишком мало знаем друг друга, зато пережили достаточно много, чтобы покончить с формальностями. Можете звать меня Норт, хотя вы уже делали это, не так ли?

– Норт, а дальше?

– Собственно говоря, мое полное имя Фредерик Норт Найтингейл, барон Пенриф, виконт Чилтон. У моих предков ушло достаточно много времени, чтобы приобрести все эти владения. Когда мой прапращур стал виконтом Чилтоном и построил Маунт-Хок, он изменил название деревни, расположенной у подножия холма.

– А как она называлась раньше?

Норт, опомнившись, обнаружил, что его губы медленно растягиваются в улыбке.

– Поверите ли вы, если я скажу, что она называлась Пиджин Фут¹⁸?

– Не поверю. Ну же, как именно?

Но Норт только пожал плечами. Кэролайн долго, задумчиво молчала и наконец, подняв на него глаза, улыбнулась и сказала:

– Норт¹⁹ Найтингейл. Прекрасное имя, очень романтичное. Это ваша мать его выбрала?

– Сильно сомневаюсь.

– Тогда романтиком был ваш отец.

Норт промолчал. Тишина становилась все ощутимее, не спокойная, мирная, а словно преисполненная темными, неясными призраками. Но какими? Девушка не могла понять. Наконец она поспешно пробормотала:

¹⁸ Голубиная лапа (англ.).

¹⁹ Север (англ.).

– Спасибо за то, что так быстро явились на помощь.

– Не за что. Ложитесь спать.

Он помог ей подняться на возвышение, лечь в постель, натянул одеяло до самого подбородка и тщательно подоткнул, совсем как отец, дядя или кто-то из взрослых, считавший ее совсем маленькой.

– Знаете, Кэролайн, я позабочусь о том, чтобы мистер Ффолкс пальцем до вас не посмел дотронуться.

– Это очень мило с вашей стороны, Норт, но я сама могу защитить себя. Я делала это раньше, сделаю и теперь.

– Прекрасно, – мягко улыбнулся он. – Но не думайте, что я вас брошу в беде. Я по-прежнему не стану спускать с вас глаз. Он ведь все равно появится, сами знаете.

Густая прядь волос упала на лоб девушки. Норт осторожно отвел ее назад, коснулся порозовевшей щеки и, улыбнувшись, провел кончиком пальца по бровям Кэролайн. На душе у нее почему-то стало легко, словно что-то глубоко внутри шевельнулось, и Кэролайн внезапно, к своему глубочайшему изумлению, разразилась слезами. Норт замер, впервые в жизни чувствуя себя беспомощным.

– Все будет хорошо, – пробормотал он ей в волосы, покачивая, как ребенка. – Все будет прекрасно, обещаю. Я не хотел пугать вас разговорами о Ффолксе.

– Нет, не в нем дело, – всхлипнула Кэролайн. – Он жалкий червяк, больше ничего. Я его убью, если до этого дело дойдет. Простите меня... но когда вы укрыли меня... совсем как мама... и откинули мои волосы со лба и погладили брови. Так давно. Когда я была совсем маленькой. Так давно.

Она плакала все сильнее, и Норт молча обнимал девушку, чувствуя невыразимое одиночество, боль и несчастья, которые выпали на ее долю. Наконец Кэролайн отстранилась, шмыгнула носом и снова всхлипнула:

– Не сердитесь за то, что вымочила вас. Так глупо с моей стороны. Я редко плачу. Ведь это пустячная трата времени.

– Не будьте глупышкой, Кэролайн. Слезы очищают ум и душу и позволяют нам лучше видеть истинный смысл вещей. Жизнь – это хаос. И иногда совсем не вредно поплакать. Тогда это возвращает мыслям и поступкам верную перспективу.

Кэролайн, помолчав, со вздохом прошептала:

– Вы правы. Не стоит препятствовать воспоминаниям посещать нас. Иначе однажды они просто нахлынут бурным потоком, от которого не будет спасения. Но все равно я благодарна вам, Норт.

– Пришли в себя?

– Да, совершенно, спасибо.

На этот раз он не подтянул одеяло до подбородка, только осторожно положил ее на кровать и снова невольно легонько провел рукой по ее щеке. После того как Норт вышел, потихоньку прикрыв за собой дверь, Кэролайн поднялась и сняла платье, безнадежно помятое. А ведь другого у нее не было! Разгладив складки, она повесила платье на стул и легла на спину, скрестив руки под головой. Почувствовав, как слезы жгут веки, девушка поскорее закрыла глаза. Боже, только при одном воспоминании о том, как Норт укрывал ее, сердце Кэролайн разрывалось от тоски по матери, чье лицо уже стало забываться. Но самое страшное – это убийство тети Эллен. Кто мог сделать это? Все окончательно смешалось, и Кэролайн ничего не могла понять, может быть, еще и потому, что сама она лежала в постели джентльмена, которого встретила всего неделю назад. Что же ей теперь делать?

Она знала, что выглядит ужасно, хотя и успела хорошенько вымыться. Проснувшись, Кэролайн увидела таз с теплой водой, стоявший на круглом столике, и, раздевшись догола,

долго в нем плескалась. Жаль, конечно, что невидимый слуга не догадался принести ванну, однако после вчерашнего приема Кэролайн чувствовала, что ей оказывают чуть ли не королевские почести.

Кэролайн медленно спустилась по парадной лестнице, достаточно широкой для того, чтобы три дамы в вечерних туалетах могли сойти по ней бок о бок. Огромная люстра свисала с потолка на два нижних этажа, причем от пола просторного вестибюля до хрустальной подвески оставалось не менее двенадцати футов. В изысканно-изящных подсвечниках, покрытых золотом и безупречно чистых, горели свечи так ярко, словно их тоже только сейчас протерли.

Девушка на секунду замерла, оглядываясь по сторонам: «Какой великолепный старый дом! Нет, – поправила она себя, – скорее, замок, на протяжении веков перестроенный в громадный особняк, однако сохранивший былое величие». Никогда она не видела ничего подобного. Кэролайн испытывала какие-то странные чувства, нечто вроде узнавания и неясного томления.

Девушка тряхнула головой, но странные ощущения не желали уходить, наоборот, становились все сильнее, по мере того как она продолжала осматриваться. Стены по обеим сторонам лестницы были увешаны мужскими портретами – ни одного женского, – и самые первые относились к шестнадцатому столетию. Кэролайн пригляделась. Нет, женщины ни одной. Как непонятно!

Но куда они подевались? Должны же были какие-то женщины родить всех этих наследников, вполне, как она полагала, законных. Очень странно и загадочно.

– Доброе утро.

Хозяин стоял у подножия лестницы, одетый в бриджи, отлично вычищенные ботфорты, белую батистовую сорочку с распахнутым воротом и коричневый сюртук. Впервые за все это время она взглянула на него, как на мужчину. Настоящего мужчину. Темные волосы были не по моде длинные, но здесь, в глуши Корнуолла, он, хозяин огромного особняка, который останется замком до скончания века, выглядел великолепно. И девушка неожиданно удивилась тому, что не заметила раньше, как красив Норт. Удивилась и смутилась, вспомнив, как он обнимал ее, когда она плакала... плакала дважды, как слезливая дурочка, особенно после того, как увидела, что он склоняется над ней и заботливо подтыкает одеяло со всех сторон.

– Э-э, здравствуйте... – запнулась она.

– Вы промыли ногу?

– Ногу? Я хорошенько умылась, хотя тазик с водой был совсем маленький. Нет, не то что я жалуюсь, Норт, наоборот, крайне благодарна за внимание. Это горничная Тимми принес воду?

Но Норт, не отвечая, нетерпеливо взмахнул рукой, отменяя все неуместные расспросы.

– Ваш чулок порван, а нога натерта, причем вы наверняка несколько дней не разувались. Вы промыли ранку? Очень плохо?

– Да нет, нисколько не болит. Тут уж ничего не поделаешь – пришлось оставить чемодан в Дорчестере. Вся моя одежда на мне.

Норт, нахмурившись, покачал головой:

– Не пойдет. – И, обернувшись, громко крикнул: – Триджигл! Иди сюда, немедленно.

Он снова повернулся к Кэролайн, по-прежнему хмурясь и ничего не объясняя, пока не появился Триджигл. Кэролайн не терпелось увидеть экономку, поместившую ее в прелестную розовую комнату, но когда «экономка» появилась, едва не охнула вслух, поскольку никогда не встречала такого высокого и красивого старика. Именно таким она представляла себе настоящего дедушку – копна серебряных волос, ясные голубые глаза, прекрасные, скульптурно вылепленные черты лица. «Да, поистине удивительные люди живут в этом странном обиталище!»

– Спасибо за прекрасную комнату, Триджигл. И за теплую воду, – не переставая любоваться стариком, с улыбкой сказала Кэролайн.

– Жаль, что она успела остыть, – пробормотал Триджигл, поклонился непонятно кому и спросил: – Что угодно милорду?

– Принесите мазь от натертостей, базиликовый порошок, чистых тряпок на бинты. И тазик очень горячей воды. В библиотеку. Сейчас же.

– Да, милорд, но это странное требование. Могу я осведомиться...

– Нет, просто делайте, как велено.

– Да, милорд. Мисс.

Он коротко кивнул Кэролайн, повернулся и медленно, с величавостью епископа направился в глубь дома. Норт ожидал, что Кэролайн попросит оставить ее в покое или сожмется от страха, превратившись в перепуганную девственницу, – в конце концов и то и другое было бы вполне естественным. Ведь она оказалась одна, без компаньонки, в доме, где полно мужчин! Но вместо этого Норт услышал:

– У вас прекрасный дом. Просто невероятно! Настоящий замок, где такое множество людей оставили свой след, и столько изменили при этом... словно суровость его постепенно смягчалась. Знаете, я бы хотела просто посидеть на ступеньках, чтобы лучше почувствовать эту особую атмосферу.

Норт только поднял темные брови.

– Что изображено на гербе Найтингейлов?

– Во всяком случае, не соловей²⁰, смею вас уверить. Два сражающихся льва на фоне скрещенных мечей. И в девизе нет никакого упоминания о соловьях, а просто сказано: «Добродетель крепка, словно дуб».

– Звучит не слишком романтично и не так уж мудро.

– Знаю. Я сам разочарован. Может, это все, что мог придумать мой давно почивший предок, когда решил, что не желает иметь ничего общего с проклятым соловьем.

– Вы упомянули о львах и скрещенных мечах. А где же дуб?

– Где-то на втором плане.

– Ну, по крайней мере у вас есть фамильный герб и девиз. По-моему, вам очень повезло! Мой дом, Ханнимид-Мэнор, конечно, очень милый, но ничего необычного – особняк, построенный лет шестьдесят назад, и, конечно, ни герба, ни девиза, а здесь...

Кэролайн глубоко вздохнула и взглянула на очень старые доспехи в дальнем углу громадного камина, ниша которого почернела от огня, пылавшего в нем вот уже целое столетие.

– Но здесь... настоящее волшебство. Великолепно!

– Благодарю вас.

Настала ее очередь нахмуриться и одарить Норта вопросительным взглядом.

– А, Триджигл, с моими врачебными принадлежностями. И базиликовый порошок есть! Как кстати! Поставьте все на стол в библиотеке, пожалуйста. Ну а теперь, Кэролайн, пойдемте со мной.

– Кэролайн?

Потрясенный Триджигл обернулся к хозяину.

– Милорд, вы назвали Юную Особу по имени! Конечно, это прекрасное имя, хотя довольно обычное, но все-таки имя, данное ей при крещении, и поэтому неприлично так фамильярно обращаться с дамой. Она приехала только прошлой ночью и покинет нас сразу же после завтрака. Следовательно, куда более приличным было бы обращаться к ней по фамилии.

Все, на что оказалась способной Кэролайн, это потрясенно уставиться на «экономку». Что же касается самого хозяина, тот мгновенно побагровел, он был охвачен гневным желанием схватить Триджигла за горло, но в последний момент все-таки сумел взять себя в руки и сухо процедил:

²⁰ Найтингейл по-английски – соловей.

– Благодарю, Триджигл, за столь тонкое наблюдение. Именно то, что тебе следовало сказать, если, конечно, желаешь, чтобы я сломал твою чертову шею. Убирайся! Да вели, чтобы подавали завтрак. Передай Полгрейну, мы будем за столом через десять минут. Да, и вот что, Триджигл...

– Что угодно милорду?

– Не забывай, еда должна быть такой, чтобы слюнки текли.

– Да, милорд.

Кэролайн посмотрела вслед удалявшемуся домоправителю. И когда тот наконец выплыл из библиотеки, девушка даже с некоторым восхищением заметила:

– Он ужасно похож на одну из моих наставниц в Академии Чадли для молодых леди. Она просто не выносила девушек, но по крайней мере хотя бы пыталась немного скрыть это. Правда, я вот чего не понимаю, Норт. В замке нет ни одного женского портрета. Возможно, все они хранятся в специальной дамской галерее, но даже если и так, все это очень странно. И к тому же все ваши слуги – мужчины. Вы сами упоминали, что ведете холостяцкое хозяйство. Кроме того, они явно не желают видеть здесь ни одну женщину. Почему?

– Не обращайтесь внимания. Вам не о чем беспокоиться. И, откровенно говоря, вряд ли это вас касается. Ну а теперь садитесь и поставьте левую ногу на эту подушечку.

– Я сама могу обработать волдырь, Норт. Он не на спине, и я вполне могу дотянуться.

– Молчите и садитесь.

Кэролайн пришлось подчиниться. Норт встал перед ней на колени, расшнуровал башмак и снял его. Кэролайн успела подложить платок под пятку. Норт сразу увидел, что это один из его собственных, с изящно вышитыми инициалами в уголке – подарок от старого учителя, и удивился про себя, откуда она могла раздобыть его. Осторожно сняв платок, он увидел, что волдырь лопнул, а кожа стала красной и воспаленной. В армии он часто видел, как люди умирали от горячки, вызванной такими вот маленькими ранками. Он снова внимательно осмотрел больное место, но, к счастью, не заметил зловещих красных линий, тянувшихся от центра язвочки, словно спицы от оси колеса.

– Сидите смирно и не вздумайте дергаться. Сначала будет довольно неприятно.

«Это еще слабо сказано», – подумала Кэролайн, когда Норт, разорвав чулок до щиколотки, снял его и сунул ее ногу в тазик с горячей водой. Девушка едва удержалась, чтобы не вскочить с кресла.

– Потерпите, боль скоро пройдет.

– Хорошо бы, – процедила она сквозь стиснутые зубы, – иначе я начну визжать, и ваши слуги, несомненно, примчатся на крики и пристрелят меня.

– Весьма сомнительно. Слишком много шума, беспорядка и крови. Гораздо проще огреть вас чем-нибудь по голове и зарыть в саду.

– Превосходно, – кивнула она, немного расслабившись, но в этот момент он снова поднял ее ногу и стал тщательно промывать. – Может, они решат просто сослать меня. Всегда мечтала посетить Ботани-Бей.

– Ну же, успокойтесь, Кэролайн. Знаю, это больно, но продержитесь еще немного. Ну вот, все чисто. А теперь немного моего французского коньяка... нет, не пытайтесь сбежать. Конечно, будет немного жечь...

Побелевшими от боли пальцами Кэролайн вцепилась в подлокотники кресла, сцепив зубы и стараясь не закричать. Мало этого, ей даже удалось довольно спокойно выговорить:

– Жечь, милорд? Позвольте сказать вам, Норт Найтингейл, это всего лишь малая часть той пытки, которой вы меня подвергаете. Это невыносимо, это доводит до безумия...

– Не нойте. Все уже позади. А теперь немного базиликового порошка.

Надо отдать Норту должное, он обращался с ее ногой осторожно, почти нежно. Кэролайн и не представляла, что дела ее так плохи. Она вновь что было сил схватилась за ручки кресла, пока Норт накладывал повязку из полосок белой ткани.

– Но я не смогу надеть башмак, – вздохнула она, наблюдая, как вся ступня скрывается под толстой белой повязкой.

– Ни башмак, ни туфельку. Советую вообще всю следующую неделю ходить как можно меньше. После того как устроитесь в Скриледжи-Холл, попросите доктора Трита осмотреть ногу. Хорошо?

Кэролайн взглянула на склоненную темную голову, на его загорелые пальцы на ее ноге.

«Все это очень странно», – подумала девушка, удивляясь тому, что за последние полчаса она ни разу не вспомнила о тете Элли, о гнусном убийстве и о том, что теперь она осталась совсем одна на свете. Но все вернулось, как только она вновь почувствовала острую, рвущую сердце боль.

– Все еще саднит?

– Нет, спасибо, Норт.

– Хорошо, – сказал он, поднимаясь. – Ну а теперь пора завтракать. Потом я отвезу вас в Скриледжи-Холл.

«И там, – подумала Кэролайн, – я стану ожидать появления бывшего опекуна, ведь тот будет добиваться своего. Очевидно, мистер Ффолкс крайне нуждался в деньгах, и я оказалась единственной подходящей дичью, которую легче всего ощипать». Слезы снова переполнили глаза, глупые, бессмысленные слезы. Девушка просто отвернулась, из последних сил стараясь не всхлипнуть. Норт не сказал ничего (благослови его Господь!), просто подождал, пока Кэролайн немного успокоится, а потом взял ее под руку и повел в гостиную. «Пусть считает, что так сильно болит нога, это все-таки лучше, чем его жалость», – решила Кэролайн.

Глава 9

Она изо всех сил пыталась ощутить хотя бы легкий порыв сострадания, крохотную искорку сочувствия к молодому человеку, сидевшему перед пылающим в камине огнем в гостиной Скриледжи-Холл: голова опущена, руки слегка сжаты коленями, вид самый что ни на есть несчастный. Но вместо этого девушка лишь чувствовала, что ее терпение на пределе. Сдерживаться оказалось не так-то легко, потому что, по правде говоря, ей больше всего хотелось размахнуться и отвесить ему хорошую пощечину.

– Кузен Беннет, – сказала она и, прихрамывая, направилась к нему, – я знаю, вам очень трудно пришлось. Мне тоже не легче. Пойдемте выпьем по чашке чая, сразу почувствуете себя лучше. Мистер Броган приехал, чтобы прочитать завещание тети Элли.

– Кому интересно ее чертово завещание? – пробурчал Беннет, неприязненно глядя на нее. – Я желаю видеть завещание дяди. Это для меня важно!

– Но почему? Ваш дядя умер лет пять-шесть назад и оставил все свое имущество тете Элли.

– Не верю. И никогда не верил. Я единственный наследник по мужской линии, он должен был все завещать мне. Она, конечно, подделала завещание, наняла мистера Брогана изменить его, возможно, даже стала его любовницей, чтобы подкупить адвокатишку.

Терпение Кэролайн было готово вот-вот лопнуть. Она резко сказала:

– Если вы считали, что это именно так, почему не подали в суд?

– Мне было только двадцать три, когда он умер. Кто бы мне поверил? Ни денег, ни влиятельных друзей. Все слушали только эту проклятую вдову! Она была настоящей распутницей, неужели вы этого не знали? Готов побиться об заклад, она даже спала с мистером Броганом, недаром у него вид одного из чертовых корнуоллских пикси²¹ – такой же старый и сморщенный! Клянусь, он живет не в доме, а в дупле дерева!

– Да, и, без сомнения, он шелушит початки кукурузы в лунные ночи. Ну а теперь, пожалуйста, придержите язык, Беннет, и прекратите вести себя, как дурак. Почему вы сидите здесь и трясетесь? Сейчас не зима, снег не идет. Господи, да на улице совсем тепло.

– В этой проклятой дикарской глуши всегда холодно, – проворчал Беннет, наконец подняв на нее глаза. – Боже, как я ненавижу это место, и эти омерзительные голые скалы, и отвратительные уродливые оловянные рудники. Самый заброшенный медвежий угол на всей земле. Ненавижу его, слышите?

– А я считаю это место самым прекрасным в мире, так что, как видите, Беннет, ваше мнение для меня не закон. Кроме того, олово добывалось здесь много веков, еще до нашествия римлян. Шахтеры получают деньги и могут кормить семьи. Прекратите ныть, Беннет.

– Все-таки я не понимаю, что случилось с вашей ногой, как вы добрались сюда без всяких вещей и подобающей вашему положению компаньонки. Кроме того, вас привез виконт Чилтон, а, насколько мне известно, этот джентльмен обладает вполне определенной репутацией. Смуглый, вечно мрачный, как герой поэмы Байрона, и все местные девицы страдают по нему, но он вечно выглядит погруженным в себя, зловещим и угрюмым. Откуда вы его знаете? Все это крайне непристойно, Кэролайн, должен заметить.

– Это очень долгая история и, без сомнения, утомит вас, поскольку вы бесконечно твердите об обмане, подделанных завещаниях и ненависти к Корнуоллу. Нет, больше ни слова, Беннет. Мистер Броган уже здесь. Вскоре мы услышим завещание тети Элли. Вы там тоже упомянуты, иначе он просто не пригласил бы вас. Ну же, пойдемте, и постарайтесь вести себя прилично.

²¹ Добрый маленький дух в графствах Корнуолл и Де-воншир.

– Вам легко говорить, – пробурчал он, но Кэролайн все равно услышала его, нахмурилась, но промолчала.

Кузен Беннет оказался очень красивым молодым человеком, с очаровательной улыбкой, светлыми, словно у ангела, волосами и прекрасными глазами, синими, как само небо. Однако, узнав его немного поближе – а для этого потребовалось всего полчаса, – Кэролайн поняла, что перед ней – разочарованный, озлобленный человек. Она поглядела на это капризное лицо с оттопыренной нижней губой, и ей вновь захотелось хорошенько лягнуть его. Насколько Кэролайн было известно, тетя Элли оставила ему все. Что ни говори, Кэролайн уже получила наследство и не нуждалась ни еще в одном доме, ни в землях, и тетя Элли прекрасно знала это.

Однако все оказалось совершенно не так, как предполагала Кэролайн. Мистер Бродган, бледный оттого, что приходилось слишком много времени проводить в конторе, пригладил седые волосы и жестом показал молодым людям на кресла.

– Завещание Элинора Пенроуз довольно короткое и достаточно определенное, во всяком случае, в начале, – объявил он, развязывая тонкую ленту и разглаживая документ. – Она попросила меня составить этот документ два года назад. Кроме пенсий слугам и пожертвований в благотворительные учреждения Тривеллеса, все остальные деньги переходят к вам, мисс Деруэнт-Джонс, и сумма достаточно велика.

– Нет! – взвыл Беннет, вскакивая с кресла. – Все деньги моего дяди перейдут к Кэролайн? Не позволю! Я обращаюсь в суд, я...

– Сядьте, мистер Пенроуз. Я еще не дочитал завещания, но немедленно удалюсь, если вы не будете держать себя в руках!

Беннет рухнул в кресло с таким видом, словно готов немедленно прикончить и мистера Бродгана, и Кэролайн.

– Ну а теперь, – продолжал поверенный, откашлявшись, – ваша тетя все объяснила в приложенном письме. Он насадил очки на нос, поднял листок бумаги и прочитал: «Моя дорогая племянница! Не могу дождаться, когда ты приедешь в Корнуолл и станешь жить со мной. Когда тебе исполнится девятнадцать, я постараюсь прогнать этого ужасного человека мистера Ффолкса и избавить тебя от него. Больше он не будет иметь над тобой власти. Вместе, любовь моя, мы снова превратим Скриледжи-Холл в настоящий дом, наполненный смехом, шутками и весельем. Никогда не забывай, что все эти годы я любила тебя и желала тебе лишь всего самого лучшего. Твоя любящая тетка Элинора Пенроуз».

Кэролайн ничего не могла с собой поделать. Она опустила голову, чтобы скрыть слезы, катившиеся по щекам и падавшие на стиснутые на коленях руки.

– Мисс Деруэнт-Джонс, ваша тетя, естественно, предполагала, что вы приедете сюда и станете жить с ней, пока не выйдете замуж. Как я уже сказал, она составила завещание, когда вам исполнилось семнадцать, и решила написать вам письмо, словно предчувствовала, что к тому времени скончается, потому что, как она сказала, в этом случае сразу будет понятно, что слова идут от сердца. Так оно и случилось.

Подняв глаза, поверенный заметил, что она плачет.

– О Боже, мне так жаль, мисс Деруэнт-Джонс! Простите меня. Это для вас такое потрясение, такая трагедия!

– А как насчет меня?

– Что? Ах да, мистер Пенроуз! Почему бы нам не обсудить все, когда мисс Деруэнт-Джонс немного успокоится. Все, что произошло, крайне тяжело для нее.

– Но почему? Она ведь получила все денежки!

Кэролайн вытерла глаза тыльной стороной ладони, высморкалась в платок тети и всхлинула:

– Все в порядке, мистер Бродган, извините. Просто, когда я услышала ее письмо... словно она сама говорит со мной.

- Понимаю. Ваша тетя была прекрасной женщиной. Желаете, чтобы я продолжил?
- Да, конечно.
- Превосходно.

Мистер Броган снова нацепил очки и опустил глаза в документ.

– Теперь начинаются некоторые сложности, для вас обоих совершенно неожиданные и, возможно, ошеломительные. Думаю, лучше всего объяснить вам, что Элино́р Пенроу́з была сильной натурой, однако, кроме того, еще и очень сострадательной женщиной, считавшей, что богатство, помимо всего прочего, накладывает некоторые обязательства по отношению к людям, менее удачливым в этой жизни.

– Проклятая вдова моего дядюшки наверняка причисляла меня к этим менее удачливым.

– Мистер Пенроуз, придержите язык, – с необычайной горячностью предупредил мистер Броган. – Леди Пенроуз пользовалась неизменным уважением в округе и, кроме этого, много внимания уделяла незамужним девушкам, имевшим несчастье забеременеть, бедняжкам, которых либо соблазняли, либо насиловали их наниматели или сыновья их нанимателей, а потом выбрасывали на улицу. Леди Пенроуз спасала их, привозила сюда и помещала в маленьком домике в Сент-Эгнес-Хед. Она и доктор Трит очень подружились за последние годы, когда она постоянно поставляла ему пациентов.

Поверенный неуклюже попытался пошутить, и Кэролайн вынудила себя улыбнуться. Мистер Броган старался, как мог. Откашлявшись, он продолжал:

– После того как молодые девушки рожали, Элино́р помогала им устроиться. Если кто-то хотел сам воспитывать ребенка, она заботилась о том, чтобы хозяева не возражали против детей, если же нет – малышей отдавали на воспитание.

– Совершенный бред, – объявил Беннет Пенроуз, поднявшись и нервно меряя шагами кабинет. – Куча безмозглых девиц, которые не могут держать ноги вместе... Какое это имеет ко мне отношение, черт возьми? К нам? Говорите, наниматели соблазняли их? То есть благородные господа? И что здесь плохого? Они сами виноваты, нечего было беременеть, очередная глупость с их стороны! Что же до остального, почему...

– Успокойтесь, Беннет, – перебила Кэролайн, поднимаясь, чтобы взглянуть ему в глаза. – Ты заткнешь свою проклятую плотку или я ударю тебя, клянусь! А может, даже застрелю. Я прекрасно, знаешь ли, стреляю.

– Нет, не выходите из себя, не стоит. Но, послушайте, Кэролайн, это не имеет с нами ничего общего.

Мистер Броган побагровел, но умудрился достаточно спокойно объявить:

– Собственно говоря, имеет. Миссис Пенроуз завещала Скриледжи-Холл, все земли, оловянные рудники, всю недвижимость вам обоим. Однако...

Беннет Пенроуз круто и довольно ловко развернулся для столь хилого молодого человека:

– Что?! Очередной вздор? Она отдает Кэролайн все деньги и оставляет мне половину дома, половину дохода от аренды и оловянных рудников, половину слуг и половину чертовой мебели?

– Не совсем так, мистер Пенроуз! Собственно говоря, вы оба назначены попечителями Скриледжи-Холл, оловянных рудников, ферм и всех доходов, полученных из различных источников. Скриледжи-Холл станет убежищем для этих молодых девушек. Элино́р Пенроу́з надеялась, что вы заинтересуетесь, проявите сочувствие и дадите им не только дом, но и обучите профессии, чтобы они смогли добиться чего-нибудь в жизни, после того как произведут на свет детей. Она знала, что дохода от аренды и трех оловянных рудников хватит, чтобы содержать Скриледжи-Холл.

Беннет Пенроуз остановился у стола и ошеломленно уставился на мистера Брогана. На лице были написаны отвращение и недоверие, казалось, он вот-вот прикончит поверенного.

– Хотите сказать, что я должен жить здесь с Кэролайн и толпой проклятых молодых девчонок с огромными животами? Грязными маленькими шлюшками, даже не умеющими говорить по-английски, глупыми развратницами, ноющими, что джентльмены, у которых они находились в услужении, принудили их, заставили, и поэтому теперь они должны производить на свет ублюдков? Это идиотизм, и моя тетка, должно быть, совершенно спятила, когда писала это проклятое завещание. Я не допущу этого, мистер Броган. Мне уже не двадцать три, да и друзья найдутся. Я опротестую это абсурдное завещание.

– Готова побиться об заклад, что теперь у вас не больше влиятельных друзей, чем в двадцать три года.

– Клянусь Богом, вы получили все да еще имеете наглость рычать на меня! Черт бы вас побрал, Кэролайн, я не позволю этого, не позволю!

– Успокойтесь, мистер Пенроуз. Понимаю, это потрясение, но ничего не могу поделать. Садитесь, сэр, и вспомните, что вы джентльмен. Что вы думаете, мисс Деруэнт-Джонс?

Кэролайн перевела взгляд со взбешенного лица Беннета на невозмутимую физиономию поверенного. Она сознавала, что неприлично раскраснелась, что жаждет дать Беннету оплеуху, но, глубоко вздохнув, перешла к делу:

– Никогда не встречала беременной незамужней девушки. Это, должно быть, просто ужасно. И сколько теперь у нас беременных девушек?

– В настоящее время только трое. Они сейчас живут в маленьком коттедже, в Сент-Эгнес, под опекой викария, мистера Пламберри. Он... как бы это выразиться, не питает большого энтузиазма к проекту вашей тети, но считает своим христианским долгом согласиться с замыслом миссис Пенроуз, поскольку она щедро жертвовала и на церковь. Насколько я понимаю, эти пожертвования помогали ему исполнять свой долг. Девушки очень потрясены смертью миссис Пенроуз. Доктор Трит сказал, что одна из них, четырнадцатилетняя бедняжка, не прекращает плакать с тех пор, как это произошло. Она считала Элинор Пенроуз святой.

Кэролайн медленно поднялась и взглянула на забинтованную и все еще болевшую ногу, медленно разгладила ладонями юбку. В памяти еще слишком живо стояла та ужасная ночь, когда мистер Ффолкс напал на нее и, конечно, изнасиловал бы, если бы она не ухитрилась лягнуть его в пах. Если бы ему удалось сделать это, она... она могла бы забеременеть. Сама мысль об этом ужасала. Девушки всегда так уязвимы, особенно хорошенькие и те, кому выпало попасть в услужение к бесчестным людям. Наконец, повернувшись к Беннету Пенроузу, она объявила:

– Послушайте, Беннет, прекратим ненужные споры. Вы должны согласиться, что право человека самому решать, что делать со своими деньгами. Я ничего не знаю об обязанностях попечителя, особенно о том, что делать с девушками, попавшими в подобное положение. Но именно такова воля тети Элинор. Мы с вами обо всем позаботимся, Беннет. Думаю, стоит попытаться.

– Еще одна чертова жеманная святая лицемерка, не так ли, Кэролайн? Всего минуту назад вы были настоящей ведьмой, вопили и визжали на меня. Просто тошнит от вас!

И он вылетел из гостиной.

– Не очень приятный человек, – заметил мистер Броган, выравнивая стопу бумаг. – Я знал его еще с детства. Совершенно не изменился.

– Ну что же, можно сказать, он, что называется, оправдал ваши ожидания, сэр. Не знаете, мистер Броган, почему тетя Элли решила составить такое завещание?

– Я считаю, мисс Деруэнт-Джонс, Элинор верила в то, что Беннета еще можно исправить и спасти. Я совершенно не согласен с ее мнением, но она свято верила в то, что плохих людей не существует, несмотря на очевидную испорченность вышеуказанного субъекта. Беннет всегда занимал у нее деньги после смерти дяди и пускал их по ветру. Думаю, она надеялась, что ответственность и работа помогут ему стать другим человеком, хотя, вероятно, по отношению

к вам это не слишком справедливо. Она считала, что вы сумеете направить Беннета на путь истинный. Элинон очень верила в вас, уважала и любила.

Кэролайн пристально уставилась на поверенного.

– Но откуда она могла знать, что я соглашусь попытаться? Откуда знала, что я не просто безмозглая, легкомысленная дурочка, которая только и способна ломать руки и ныть?

Мистер Броган снял очки и тщательно протер стекла платком.

– Она говорила, что вы унаследовали от отца чувство справедливости, а от матери – откровенность и честность и, кроме того, обладаете такой чертой, как упрямство, которое поможет вам преодолеть все трудности.

– Не хотела бы разочаровать ее, мистер Броган, – вздохнула Кэролайн, – но это огромная ноша: придется отвечать не только за себя, но и за других.

Она подумала о мистере Ффолксе, всегда присутствующем в ее мыслях, об Оуэне и, наконец, о Беннете Пенроузе.

– Возможно, придется взять опеку не только над бедными беременными девушками, но и ни на что не годными мотами и повесами. Помочь им приобрести профессию и дать хороший совет.

Мистер Броган впервые за все утро искренне улыбнулся девушке.

– Превосходно, – кивнул он, – просто превосходно!

– Вы так думаете?

Кэролайн убедила мистера Бродана остаться пообедать, хотя, увидев блюдо, принесенное миссис Трибо, экономкой Скриледжи-Холл, посчитала это не столь уж блестящей идеей. Однако тот, потирая руки, обрадовался:

– А, пирог с глазами, как соблазнительно!

Кэролайн уставилась на огромный круглый пирог, из которого высывались головы сардин с открытыми глазами. Мистер Броган расплылся в широкой ухмылке:

– Корнуоллцы – люди бережливые, мисс Деруэнт-Джонс. Видите ли, просто ненужная расточительность покрывать корочкой несъедобные головы сардин, поэтому они так и остаются торчать из пирога. С другой стороны, если отрезать головы, тогда весь жир вытекает и пирог получается слишком сухим.

Кэролайн осторожно жевала тесто, стараясь не смотреть на проклятые рыбы головы. После обеда появился доктор Трит, и Кэролайн, быстро собравшись, что тот был не просто другом тетки, попросила его остаться. Доктор, взглянув на ее ногу, расспросил о лечении и удовлетворенно объявил:

– Хорошо, я понимаю, что вы хотите поговорить об Элинон. С радостью готов помочь, чем могу, ее племяннице.

Девушка глубоко вздохнула.

– Мне действительно понадобится вся помощь, которую вы можете оказать, доктор Трит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.